

1894

Russkaja

Mysl

РУССКАЯ МЫСЛЬ

11-12

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ
1891

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

—
1891.

Поѣздка въ Ташкентъ и Самаркандъ.

Пятаго сентября прошлаго года мы приѣхали подъ вечеръ въ Баку, отправились на пристань и, получивъ каюту на пароходѣ «Цесаревичъ», принадлежащемъ компани «Кавказъ и Меркурій», рѣшились въ тотъ же вечеръ пуститься въ путь.

При выѣздѣ изъ Баку дулъ сильный вѣтеръ; намъ обѣщали качку, а, можетъ быть, и бурю на ночь; но все обошлось благополучно и день 6 сентября мы провели на верхней рубкѣ, грѣясь на солнцѣ и любуясь безоблачнымъ небомъ и лазоревымъ моремъ. Все время мы пользовались относительно прохладою, но близъ Узунъ-Ада на насъ пахнуло жаромъ. Около 4 часовъ мы подошли къ пустыннымъ берегамъ Азіи, сошли съ парохода и направились къ желѣзно-дорожному поѣзду, стоявшему у самой пристани.

Тронулись изъ Узунъ-Ада въ 9 часовъ. Вечеръ былъ тихій и теплый и мы съ удовольствіемъ любовались совершенно новою для насъ картиною: мертвою кругомъ насъ пустыней, безцвѣтнымъ зеленоватымъ моремъ, русскимъ поселкомъ, возникнувшимъ въ Узунъ-Ада и окружающими насъ совершенно новыми народными типами.

Дорога отъ Узунъ-Ада идетъ почти мертвою песчаною степью. Со станціи Кызыль-Арватъ мы приближаемся къ тому горному кряжу, который составляетъ въ этомъ мѣстѣ границу между Россіей и одною изъ богатѣйшихъ провинцій Персіи—Коросаномъ, извѣстною, между прочимъ, своими пещерными постройками; но и здѣсь мѣстность не очень разнообразна: только вправо туманныя, прозрачныя горы, все остальное—мѣстность и глиняныя постройки—желто и однообразно; одни верблюжьи караваны съ пестрыми халатниками-возницами, красными сѣдлами, пестрыми намордниками составляютъ живописныя пятна на этомъ общемъ желтоватомъ фонѣ. Въ 9 часовъ утра останавливаемся на станціи Геокъ-Тепе и, пользуясь краткою остановкой поѣзда, выскакиваемъ изъ вагона со спутниками англичанами и бѣжимъ осмотрѣть нынѣ заброшенное укрѣпленіе, знаменитое штурмомъ покойнаго Скобелева. Глиняныя стѣны его еще цѣлы; видны подкопы, мѣста взрывовъ, двойные

валы, тайники, крытые выходы, и дѣлается понятною та страшная рѣзня, которая должна была сопровождать взятіе подобнаго укрѣпленія, въ которое стягивалось къ этому времени все мѣстное народонаселеніе съ его жибитками, семьями, домашнимъ скарбомъ. Отступить изъ подобной крѣпостцы некуда; она обложена со всѣхъ сторонъ; озлобленныѣ неудачами, непріятель ворвался; сдаваться поздно, нужно умирать,—ну, и умирали съ пѣной у рта, съ проклятіемъ гауру и съ страстнымъ желаніемъ уничтожить его настолько, насколько онъ самъ собирается перебить тѣхъ, которые попадутся подъ его руку, не разбирая теперь ни пола, ни возраста.

Рядомъ съ укрѣпленіемъ памятники погибшимъ воинамъ. Миръ праху ихъ!... Чѣмъ болѣе подвигаешься во внутрь земель, тѣмъ болѣе удивляешься терпѣнію и выдержкѣ тѣхъ, которымъ Россія обязана покореніемъ этихъ далекихъ окраинъ.

Во многихъ мѣстностяхъ вдоль дороги замѣчаемъ могилы мѣстныхъ жителей, состоящія изъ незначительныхъ насыпей, надъ которыми обыкновенно возвышается сухое деревцо или рогатка, увѣшанная пестрыми доскутками,—вѣроятно, первообразъ тѣхъ знаменъ и бунчуковъ, которыми вѣнчаютъ понынѣ могилы мѣстныхъ батырей, и близкое воспоминаніе кавказскихъ дзуаровъ, обыкновенно убранныхъ подобными же доспѣхами. Повидимому, обычай этотъ былъ сильно распространенъ у язычниковъ: такъ, у Брэма нахожу указанія, что въ Приуральѣ, у язычниковъ-остяковъ, могильники украшаются также шестами, увѣшанными звѣринными головами, рогами, лентами и проч. Почти то же говоритъ Ибраимовъ въ статьѣ о киргизахъ въ *Туркестанскомъ Сборникѣ*, указывая на то, что доскуты эти происходятъ отъ укоренившагося обычая для безплодныхъ женщинъ отправляться на почъ на могилу усопшихъ знатныхъ людей, гдѣ приносятъ въ жертву барана, во имя того покойника, къ которому обращаются съ просьбою о ниспосланіи ребенка. Утромъ, оторвавъ небольшой кусокъ отъ своего головнаго платка, женщины вѣшаютъ его на деревья близъ могилы, или же прикрѣпляютъ его тамъ же на колъ.

Около станціи Каахка развалины города Пиштека. Въ 15 верстахъ отъ Асхабада также многочисленныя развалины города, среди котораго можно найти множество интересныхъ мечетей,—города, извѣстнаго въ литературѣ подъ названіемъ Анау.

Со станціи Душакъ заворачиваемъ на сѣверо-востокъ и идемъ песками Тедженскаго и Мервскаго округовъ. Тутъ одни сыпучіе пески. Занимаютъ они необъятное для глазъ пространство и волнуются, и переливаются подобно нескончаемому морю. Одно развлеченіе—станціи, хорошо построенныя, хорошо обсаженныя и имѣющія большею частью обширныя водоемы съ высоко бьющими фонтанами. Проѣзжая песками, не знаешь, чему больше удивляться,—солдату, покорившему эти страны, или тому же солдату-строителю, доселѣ завѣдующему построенною на этихъ пескахъ дорогой.

Пески непривлекательны изъ оконъ вагона, въ особенности во время дневного зноя, или когда поднимется вѣтеръ и засыпаетъ васъ мелкою

пылью въ окна, двери и другія отверстія вагона. Вамъ жарко, скучно, томительно, и вы готовы признать себя за героя при одной мысли о предпринятомъ далекомъ, утомительномъ путешествіи; но воображеніе мало-помалу рисуетъ передъ вами солдатъ-строителей этой дороги, генерала Анненкова, завѣдующаго всѣмъ этимъ дѣломъ, инженера Юговича, прожившаго съ женой два года въ этихъ пескахъ и изобрѣтшаго способъ останавливать напоръ песчаныхъ волнъ тычинками, сплетенными изъ колючки, которыя устанавливаются по холмамъ въ видѣ соломенныхъ гребней,—и гордость ваша утихаетъ...

За нѣсколько станцій до Чарджуя мѣстность рѣзко измѣняется: мы въ долину Аму-Дарьи, и близость полноводной рѣки отзывается на плодородіи и производительности почвы. Близъ ст. Аму-Дарьинской переѣзжаемъ 2-хъ верстный деревянный мостъ черезъ Аму (древнюю Оксу) и ея нескончаемые рукава; послѣ моста снова проходимъ пустынными пространствами, покрытыми, впрочемъ, сочною цвѣтущею колючкой, весьма любимую и полезную животнымъ, въ особенности верблюдамъ, и, приближаясь все болѣе къ долине Заревшана, вступаемъ, наконецъ, въ мѣстность вполне плодородную, обработанную и отличающуюся большимъ богатствомъ. Кругомъ васъ огромныя мѣстечки, окруженныя садами, тополями и карагачемъ, цѣлыя поля хлопчатника, риса, сорго и зеленой, какъ бархатъ, люцерны. Посадки, сады и арыки умножаются по мѣрѣ приближенія къ Самарканду, куда пріѣзжаемъ въ 9 часовъ утра.

Исправляющій должность военнаго губернатора Пукаловъ принимаетъ насъ весьма любезно на вокзалѣ, везетъ къ себѣ, угощаетъ и, въ ожиданіи почтовыхъ экипажей, везетъ показывать городъ.

Васъ окружаетъ здѣсь совершенно иной міръ, вамъ чудится на яву, вамъ видится глава изъ *Тысячи одной ночи*... Базарный день; улицы запружены народомъ; толпа таджиковъ, узбековъ, афганцевъ въ самыхъ пестрыхъ халатахъ, въ самыхъ разнокалиберныхъ чалмахъ, верхомъ, пѣшкомъ или лежа на прилавкѣ... и все это при появленіи сопровождавшихъ насъ губернатора и его джигитовъ (мѣстная полиція) сторонится съ дороги, спѣшивается, встаетъ съ мѣстъ и низко, подобрастно кланяется, хватаясь за животъ... И надъ всѣмъ этимъ свѣтлое, безоблачное небо, а на этомъ свѣтломъ небѣ голубые, могучіе купола царственныхъ, неподражаемыхъ по своему величію мечетей Тамерлана, Бабби-ханымъ и Ригистана...

Спѣша въ Ташкентъ, мы на этотъ разъ удовольствовались бѣглымъ объѣздомъ Самарканда и въ 4 часу усаживаемся въ три коляски и направляемся къ берегамъ Заревшана (древняго Согдіана). Переѣздъ въ бродъ черезъ рѣку считается при полноводіи опаснымъ и не совершается иначе, какъ съ пересадкою въ арбу, которая, стоя выше на колесахъ и имѣя болѣе широкій, устойчивый ходъ, признается болѣе безопасною для подобнаго переѣзда, но нынѣшнее лѣто и здѣсь безводно, и потому мы пересѣли прямо въ дорожные тарантасы, переправились черезъ рѣку въ сопровожденіи джигитовъ и двинулись далѣе. Первыя 95 верстъ до города Джизака ѣдемъ

плодородною и вполне заселенною и обработанною мѣстностью, пользующеюся въ началѣ арыками Заревшана, а впоследствии свѣтлыми водами р. Санзарь. По дорогѣ почти не прерываются селенія, сады, тополевыя посадки, крытые ряды, караванъ-сарай, поля хлопка и люцерны. Здѣсь же встрѣчаются во множествѣ древнія городища и масса кургановъ. По всему видно, что и въ былое время много жителей ютилось около города, прославленнаго Тимуромъ и считаемаго масульманами и до сихъ поръ святымъ. Послѣ станціи Сарайлыкъ ущелье суживается; известковые, голые утесы все ближе и ближе надвигаются на дорогу и въ Яны-Курганъ образуютъ тѣснину, какъ бы ключъ, къ открывающемуся передъ нами Джаланутинскому ущелью. Это знаменитые Тамерлановы ворота. Здѣсь, влево отъ дороги, на утесѣ чернаго сланца, вырублены на вышинѣ 8 ар. отъ земли двѣ прекрасно высѣченныя арабскія надписи: первая (по опредѣленію Лерха, почеркомъ несхи), ближняя, гласитъ о побѣдѣ внука Тамерлана, Улугъ-бека, въ Могулистанѣ или, по словамъ надписи, «въ странѣ Джетовъ и Моголовъ» въ 828 г. геджиры (1424—1425); вторая сообщаетъ намъ о побѣдѣ въ ущельи въ 979 г. (1571—1572), одержанной бухарскимъ ханомъ Абдуллахомъ надъ владѣтелями Ташкента, Туркестана, Фергана и Дешти-Кипчака, причемъ поясняется, что непріятеля было четыреста тысячъ и что его изрублено въ битвѣ столько, что «въ теченіе одного мѣсяца въ рѣкѣ Дизакской на поверхности воды текла кровь» (эта надпись, по опредѣленію Лерха, писана почеркомъ несхи, приближающейся мѣстами къ шекесни). Напротивъ, черезъ дорогу, такой же черный утесъ, въ которомъ замѣчаемъ значительную пещеру, вѣроятно, натуральную, образовавшуюся оползкомъ горнаго хребта.

Подъ Джизакомъ переѣзжаемъ нѣсколько разъ свѣтлую рѣчку Санзарь. Въ городѣ останавливаемся у уѣзднаго начальника и, пользуясь нѣсколькими минутами отдыха во время подмазки экипажей и перемѣны лошадей, закусываемъ и достаемъ теплую одежду въ ожиданіи холодной вѣтряной ночи въ «Голодной степи». Въ часъ ночи снова усаживаемся въ тарантасы, понемногу закутываемся и храбро продолжаемъ путь. Странно, какъ-то, даже страшно находится такъ далеко, въ глубинѣ средне-азіатскихъ степей и гнать, гнать безъ оглядки, впередъ и впередъ. Ямщики, покорные, разумѣется, приказанію начальства «не задерживать», мчатъ не останавливаясь ни передъ мостомъ, ни передъ арыкомъ и немилосердно перебрасываютъ васъ изъ одного угла тарантаса въ другой. Вотъ посмотрите: на козлахъ вашихъ сидитъ киргизъ; голова его покрыта скуфейкой, поверхъ которой надѣта сѣрая валеная шляпа, отороченная черною тесьмой, съ загнутымъ затылкомъ и удлиненнымъ бортомъ спереди въ видѣ козырька; на немъ шаровары, рубашка, коротенькій узкій бешметъ съ рукавами по локоть, изъ-подъ которыхъ выбиваются длинные и широкіе рукава рубашки. Это не гордый, статный кавказецъ-горецъ; все въ немъ указываетъ на жителя безотрадной мѣстной степи: узкій складъ, тонкія связки, руки маленькія, женообразныя, желтый цвѣтъ кожи, узкіе глаза, скуластое,

далеко некрасивое лицо. Вы жметесь отъ холода, вы устали, а онъ все погоняетъ, да погоняетъ свою неутомимую, невзрачную тройку.

Отъ Джизака до Чиназа, на протяженіи ста тридцати верстъ шириной, почти столько же на западъ и гораздо болѣе того на востокъ, тянется мертвое пространство, прозванное русскими «Голодною степью». Голодная она, впрочемъ, только теперь, то-есть лѣтомъ, осенью и зимой, когда недостатокъ воды заставляетъ обсохнуть всю растительность, а вѣтеръ, гуляющій по ней на свободѣ, поднимаетъ цѣлые столбы пыли. Весною степь эта покрывается зеленымъ ковромъ самой сочной травы, которою питаются многіе мѣсяцы многочисленныя стада, пригоняемыя въ эти пространства. Приглядитесь къ степи и вы увидите и теперь остатки зелени, колючки разныхъ сортовъ и низкорослый, мелкій кустарникъ; но теперь все это запылено, обсохло, обвѣтрено; только присутствіе птицъ: орловъ, жаворонковъ, куликовъ, грачей и пр. говоритъ вамъ, что степь не совершенно бесплодна, что въ ней можно дышать, а была бы вода, то и жить, не хуже, чѣмъ въ сосѣднихъ оазисахъ. Отсутствіе могилъ и кургановъ напоминаетъ намъ, однакожь, что и въ былое время, во время процвѣтанія Средней Азіи при арабахъ (VIII—IX в.) и громкихъ походовъ Чингизовъ (съ XIII в.), нынѣшняя Голодная степь была также мало заселена, какъ и теперь. Между тѣмъ, многочисленные колодцы, прикрытые грандіозными купольными, кирпичными постройками, и громаднхъ размѣровъ караванъ-сарай въ Мурза-рабатъ и др. указываютъ на то, что путь этотъ постоянно былъ караваннымъ и что Абдулла-ханъ, которому приписываютъ эти постройки, считалъ необходимымъ озаботиться объ участи и бѣльшемъ удобствѣ этихъ каравановъ. Колодцами пользовались и наши войска при покореніи края, пользуются ими и до сихъ поръ, хотя въ нихъ вода большею частью солонцеватая, но, къ несчастію, караванъ-сарай въ Мурза-рабатъ разобранъ за послѣднее время и кирпичи его стѣнъ пошли на устройство артезіанскаго колодца при станціи.

Вокругъ насъ все мертво. По этому безлюдному пространству нѣтъ даже признаковъ дороги, и вотъ на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи установлены земляныя пирамидки, которыми и руководятся наши ямщики при прохожденіи этого пространства. Весьма часто на верхушкахъ этихъ пирамидъ спокойно возсѣдаютъ орлы и, не трогаясь съ мѣста, пропускаютъ васъ мимо себя съ тѣмъ же спокойствіемъ, скажу—почти съ тѣмъ же сосредоточенно-отвлеченнымъ взоромъ, который замѣчаете у всѣхъ восточниковъ, встрѣчаемыхъ вами на дорогѣ. Вотъ издалека поднялся столбъ пыли, цѣлый смерчъ; его кружить и вертить и несетъ прямо на васъ... А вотъ и миражъ: передъ вами рисуются озера, широкая рѣка, масса зелени... и картина эта повторяется не разъ, не два въ день въ продолженіе ѣзды вашей какъ въ экипажѣ, такъ и прежде при движеніи по желѣзной дорогѣ. Вотъ караванъ верблюдовъ: идутъ они стройно другъ за другомъ; пестрые возницы ихъ мѣрно шатаются, дремля на высокихъ пестрыхъ сѣдлахъ. Ни звука вокругъ васъ. Но вотъ вдругъ заржала ваша лошадь: въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ ша-

гахъ отъ дороги, стоитъ, не двинется, заброшенная, забытая лошадь... Она еще жива, но, въ виду неминуемой гибели, она, однакожь, не ищетъ спасенія и не обращаетъ на васъ никакого вниманія, она, видимо, его не ожидаетъ, она сознаетъ, что его нельзя и не откуда получить. Надъ ней уже витаютъ коршуны въ ожиданіи добычи, а вокругъ нея въ степи многіе другіе остовы лошадей и верблюдовъ напоминаютъ ей объ участи, ее ожидающей... Фатализмъ, скажете вы... Да, фатализмъ! Онъ родился на Востокѣ и имъ неминуемо долженъ проникаться здѣсь всякій, кто бы онъ ни былъ, сильный или слабый, человѣкъ или животное, ибо нельзя не считать себя безсильнымъ въ этихъ пространствахъ, этихъ пескахъ, при палящемъ солнцѣ и полнѣйшемъ безводіи.

Бдешь и невольно вспоминаешь картину Верещагина *Забытый*. Ее много критиковали въ свое время, находили необходимымъ снять съ выставки. Приѣзжайте въ эти степи и посудите сами, что дѣлать въ случаѣ похода съ отсталымъ и слабосильнымъ, когда малѣйшая оплошность можетъ подвергнуть гибели цѣлый отрядъ, и додумайтесь до того, какъ должно было переболѣть сердце солдата, командира и простаго очевидца, какъ Верещагина, написавшаго подобную картину.

Въ виду далекой, синеватой, туманной полосы, обѣщающей намъ приближеніе Сыръ-Дарьи или древняго Яксарта (Киръ въ походѣ на Яксартъ противъ массагетовъ въ 560 г. до Р. Хр. былъ убитъ), мы любуемся случайно картиной: вправо отъ дороги — продолговатый холмъ, можетъ быть, древнее городище, и у его подошвы пестрый привалъ каравана хивинцевъ. Ближе къ рѣкѣ нѣсколько курганныхъ насыпей, а тамъ вскорѣ и снѣгъ затонъ рѣки, вокругъ котораго собрались стада и караваны, обрадованные свѣжестью, зеленью и присутствіемъ воды. Тутъ, на берегу, заброшенное бухарское укрѣпленіе; по ту сторону и наша заброшенная крепость Чиназъ, построенная въ то время, когда бухарскія владѣнія доходили до Сыръ-Дарьи. Въ укрѣпленіи этомъ пребываютъ пока нѣсколько ссыльныхъ оренбургскихъ казаковъ, высланныхъ за бунтъ во времена Крыжановскаго и не желающихъ нынѣ возвращаться на родину. Рѣку Сыръ-Дарью переѣзжаемъ на паромѣ, послѣ чего продолжаемъ путь нѣкоторое время берегомъ рѣки, садами, огородами, рисовыми плантаціями и хлопчатниками. Выѣзжаемъ впослѣдствіи на шоссе, проложенное по русскому Чиназу, среди тополевыхъ аллей, гдѣ расположена и почтовая станція. Немного далѣе мусульманскій поселокъ съ глиняными домами, плоскими крышами, внутренними дворами и крытыми рядами, подъ тѣнью которыхъ возсѣдаютъ мѣстные таджики — кто за чайнымъ столомъ и самоваромъ, кто въ кузнѣ, кто въ лавкѣ съ фруктами, кто просто наслаждаясь восточнымъ кейфомъ. По дорогѣ присматриваясь къ способу рисовки таджиками свѣже-сложенныхъ глиняныхъ стѣнъ дома или огорода, вы невольно вспоминаете о горшечномъ производствѣ первобытнаго чело-вѣка. Посмотрите: вотъ онъ острымъ деревяннымъ орудіемъ выдавливаетъ черточки, квадраты, лапочки, ельники и эти стѣны воспроизводятъ всѣ

тѣ же рисунки и линейныя комбинаціи, которые вамъ удалось прослѣдить на сосудахъ древнѣйшихъ стоянокъ каменнаго вѣка. Сплошное населеніе продолжается до самаго Ташкента; точно также продолжаются и тополевыя аллеи, между которыми проведены арыки, дающіе возможность поливать дорогу, безъ того невыносимо пыльную. Поливальщики стоятъ при этомъ надъ арыкомъ полунагіе, черпаютъ воду широкими лопатами и, размахиваясь, поливаютъ свой участокъ. Поливальщики эти совершенно бронзоваго цвѣта и напоминаютъ своими формами и мускулатурой египетскія изображенія.

Много зелени по дорогѣ, много тѣни, а все не то, что Италія, не та прелесть, не то освѣщеніе, не та игра свѣта и тѣни. Думается, что имѣющуюся передъ нами картину можно скорѣе сравнить съ новѣйшими картинами французской школы, гдѣ все рассчитано на эффектъ, на яркія пятна; отнимите здѣсь верблюдовъ и лошадей съ пестрыми пятнами, цвѣтные халаты и ковры—и отъ пейзажа останется сѣрое пространство, ничего вамъ болѣе не говорящее.

Но вотъ направо богатая, плодородная долина р. Чирчика и въ скоромъ времени Старый Ташкентъ. Еще длиннѣйшая аллея, зажженные фонари, нѣсколько поворотовъ и въ 10 часовъ вечера мы у подѣзда генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ мы встрѣтили у барона А. Б. Вревскаго самый любезный пріемъ, самое широкое гостепрѣимство, которымъ пользовались во все время своего пребыванія въ Ташкентѣ. Неразлучнымъ нашимъ спутникомъ, помощникомъ и учителемъ по Ташкенту и краю былъ чиновникъ особыхъ порученій барона, Е. О. Каль, молодой, образованный человекъ, знакомый съ восточными языками и хорошо изучившій брай.

Городъ Ташкентъ или, скорѣе, русская часть города, состоитъ изъ такихъ широкихъ улицъ, такихъ низенькихъ домовъ, густыхъ аллей и многочисленныхъ садовъ, что городъ исчезаетъ въ нихъ совершенно; трудно разобратъ въ этой массѣ зелени, даже когда взберешься на стѣны цитадели или мечети. Выдающихся зданій въ городѣ нѣтъ и потому изучать его слѣдуетъ только со стороны этнографической и торговой. Таджикскій городъ сохранилъ здѣсь болѣе неприкосновенность, чѣмъ въ Самаркандѣ, гдѣ его разгромили и раскроили на новые участки послѣ перваго измѣнническаго движенія. Ташкентъ остался попрежнему съ своими глиняными глухими стѣнами на тѣсныя улицы и еще болѣе тѣсныя нескончаемые проулки. Дома вылѣплены изъ глины; на улицу выходитъ дверь или ворота; за ними дворъ съ хозяйственными принадлежностями, конюшнею, сараемъ, навѣсомъ; за этимъ первымъ дворомъ—дворъ внутренній, то-есть женская половина, съ садомъ, фонтаномъ или прудомъ и галлереей, ведущей въ домъ. За домомъ большею частью еще садъ, иногда огородъ, поля или полянки. Въ общемъ и здѣсь очень много зелени, воды и огромнѣйшій крытый базаръ, планъ и размѣры котораго возможно понять только поднявшись на крышу главной городской мечети. Въ русскомъ городѣ нѣсколько хорошихъ зданій: соборъ, зданія мужской и женской гимназій, новый домъ Великаго Князя Николая Константиновича, нѣсколько

частныхъ домовъ, магазины на Соборной улицѣ и домъ генераль-губернатора. Домъ этого послѣдняго, вслѣдствіе знойнаго, сухаго и пыльнаго воздуха Ташкента, такой же низкій и одноэтажный, какъ и всѣ остальные городскія постройки, и, подобно имъ, скрытъ со стороны улицы и со всѣхъ сторонъ окруженъ обширнымъ дворомъ и садомъ, хорошо насаженнымъ и распланированнымъ, съ массою воды, что въ этой мѣстности необходимо.

Главною приманкой въ этомъ году въ Ташкентѣ служить, разумѣется, выставка, устраивая которую, русскіе правительственные люди края желали показать, что сдѣлала Россія для края за 25 лѣтъ его покоренія и какъ отозвались заботы ея на благосостояніе жителей, ихъ производство и торговлю. Съ этою цѣлью въ Ташкентѣ устроился комитетъ подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора Гродекова и при участіи чиновниковъ особыхъ порученій при главномъ начальникѣ края, гг. Бродовскаго, Мышенкова, Дейша, Вилькинса, Смирнова, городского головы Путинцева, редактора *Туркестанскихъ Вѣдомостей* Маева, учителя гимназіи Ошанина и подполковника Галкина. На устройство выставки отпущено 36,547 р., при чемъ многіе изъ частныхъ экспонентовъ поставили павильоны на свои собственные средства. Выставка расположена среди роскошнаго сада, насаженнаго съ этою цѣлью прямо большими деревьями,—задача, предпринятая гг. Греберомъ, Касьяновымъ и Смирновымъ съ цѣлью не только украсить выставку, но и доказать на дѣлѣ, что при замѣчательной силѣ здѣшней растительности и превосходной, плодородной лёсовой почвѣ возможна успѣшная пересадка даже взрослыхъ деревьевъ. Архитекторомъ выставки былъ сперва назначенъ г. Бенуа, но впоследствии замѣненъ инженеромъ Дубровинымъ.

Выставка вышла вполне удачной и поражала внѣшнею своею изящностью. Ко времени открытія былъ изготовленъ г. Маевымъ общій обзоръ покоренія края и дѣятельности въ немъ русскаго правительства, путеводитель по выставкѣ и ея отдѣламъ и отдѣльные каталоги военнаго отдѣла, сельско-промышленнаго, садоводства и кустарныхъ промысловъ, то-есть всѣхъ главныхъ отдѣловъ выставки. Открывалась выставка военнымъ отдѣломъ, расположеннымъ группами и павильонами по двумъ сторонамъ статуи русскаго солдата, водружающаго знамя побѣды на стѣнѣ побѣжденнаго города. Лучшимъ и болѣе значительнымъ отдѣломъ долженъ считаться сельско-хозяйственный со всѣми своими подраздѣленіями и отраслями, включая табаководство, винодѣліе, огородничество, разведеніе хлопка и шелководство. Всѣмъ этимъ отраслямъ отведены отдѣльные павильоны, принадлежащіе болѣею частью отдѣльнымъ производителямъ, изъ которыхъ, въ особенности русскіе, занимаются самыми разнообразными производствами и, не успѣвая усовершенствоваться ни одно изъ нихъ, разбрасываются, въ одно и то же время, на разныя отрасли хозяйства, требующія особыхъ знаній, времени и капиталовъ. Изъ подобныхъ многостороннихъ дѣятелей назову г. Иванова, выставившаго съ своихъ заводовъ лошадей, вино, пиво, хлопокъ и стеклянную посуду. Изъ другихъ

производителей, болѣе основательныхъ, назову гг. Первушина и Филатова, вина которыхъ находятся въ краѣ въ общемъ употребленіи.

Наравнѣ съ русскими выставляютъ и мѣстные таджики, не только хлопковъ и шелкъ, но и машины собственнаго произведенія для размотки шелка. Разведеніе хлопка, въ лучшихъ его сортахъ, сдѣлало также за послѣднее время значительные успѣхи среди мѣстнаго населенія.

Выставка пользуется, повидимому, большимъ сочувствіемъ мѣстныхъ жителей, которые, въ особенности по пятницамъ и воскресеньямъ, закупаютъ аллеи выставки и ея павильоны. При этомъ нельзя не замѣтить полнѣйшей преданности дѣлу со стороны устроителей ея, ихъ постоянной предупредительности и вниманія къ публикѣ и ея требованіямъ; въ павильонахъ находится постоянно одинъ изъ членовъ комиссіи, готовый показать, объяснить и снабдить васъ всѣми необходимыми для васъ подробностями.

Слабѣе другихъ, можетъ быть, учебный отдѣлъ, слабѣе въ тѣхъ частяхъ, которыми мы привыкли наполнять его у насъ, т. - е. работами разныхъ вѣдомствъ по школьному дѣлу; но для насъ, пріѣзжихъ, отдѣлъ этотъ въ высшей степени интересенъ по тому подбору картъ, фотографическихъ альбомовъ и книгъ, которые въ немъ собраны. Н. В. Дмитровскій выставилъ, на прим., богатѣйшую библіотеку сочиненій о Средней Азій; ташкентская обсерваторія свои *Труды* и *Лѣтопись*; ташкентская библіотека свой интереснѣйшій *Туркестанскій Сборникъ*; Гродековъ свои фотографическіе альбомы съ древностей края; генералъ Глуховской работы по Аму-Дарьѣ и проч., и проч. Всѣ эти труды, лѣтописи, сборники и альбомы представляютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи и археологіи края, и надо надѣяться, что найдутся современемъ люди и деньги для изданія всѣхъ этихъ драгоценностей.

Кромѣ выставки, особое вниманіе наше привлекли: музей и ташкентская библіотека, основанные генераломъ Кауфманомъ и раздаренные генераломъ Черняевымъ, но теперь снова вздохнувшіе и ожидающіе лучшихъ дней. Библіотека очень богата и продолжаетъ обогащаться. Музей крайне бѣденъ и, сложенный въ кучи, почти уничтоженный при Черняевѣ, не въ состояніи пока разбраться и состоитъ изъ предметовъ большею частью неизвѣстнаго происхожденія, что намного отнимаетъ его достоинство и интересъ для края, мало извѣстнаго и почти совершенно не разработаннаго по части археологіи. Помѣщается онъ вмѣстѣ съ библіотекой въ отдѣльномъ домѣ, находится въ завѣдываніи г. Емельянова и имѣетъ нѣсколько интересныхъ сосудовъ и маленькихъ саркофаговъ, добытыхъ въ могилахъ и курганахъ, разслѣдованныхъ директоромъ мѣстной гимназіи И. П. Остроумовымъ. Кромѣ того, мы находимъ въ немъ много интересныхъ предметовъ, добытыхъ при случайныхъ находкахъ въ Афросіабѣ, Аксы, Пишпекѣ и другихъ центрахъ древней культуры края.

По сосѣдству съ Ташкентомъ мы посѣтили Никольскій поселокъ, первое русское поселеніе въ краѣ, основанное здѣсь 25 лѣтъ тому назадъ, хо-

рошо обстроенное и пользующееся, видимо, особымъ вниманіемъ администраціи. Въ составъ поселенія вошли пришельцы изъ Саратова, Оренбурга и проч.; живутъ они, кажется, богато, но не все довольны и очень малый процентъ изъ нихъ занимается на самомъ дѣлѣ земледѣліемъ, большая же часть промышляетъ въ городѣ извозомъ и поденною работою. Среди поселка новая церковь; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея домъ священника и хорошенькая школа, при которой есть гимнастика и огородъ. Священникъ и учитель люди молодые, преданные дѣлу и краю, и весьма симпатичные.

16 вечеромъ выѣхали мы обратно и 17, въ часъ ночи, прибыли въ Самаркандъ и остановились въ домѣ военнаго губернатора, предоставленнаго въ наше распоряженіе на все время пребыванія въ городѣ.

Городъ Самаркандъ или древній Маракандъ, занятый нашими войсками въ 1865 г. и составляющій какъ бы центръ всего Закаспійскаго края, расположенъ въ долинѣ р. Заревшана, который, вѣроятно, благодаря богатству своихъ водъ и плодородію, которое онѣ придаютъ окружающей мѣстности, прослылъ съ древнихъ временъ «златоноснымъ». Рѣка эта принадлежитъ къ системѣ величайшей рѣки Средней Азіи Аму-Дарьи и въ былое время доносила до нея свои воды; въ настоящее время сообщеніе обѣихъ рѣкъ прервано и Заревшанъ вливается не въ Аму-Дарью, а въ озеро Денгизъ. Заревшанъ беретъ начало изъ ледниковъ, находящихся на сѣверной сторонѣ горнаго перевала Мура, ведущаго въ долину р. Каратагъ, одной изъ рѣкъ Гиссарскаго бекства. Вытекая изъ ледника, Заревшанъ сразу становится глубокимъ и широкимъ, хотя и мутнымъ, какъ все рѣки, выходящія изъ ледниковъ. На большей части своего протяженія рѣка сопутствуется горами и только позднѣе, въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, течетъ по болѣе плоской мѣстности.

Горы, дающія начало мѣстнымъ рѣкамъ и окаймляющія наши владѣнія съ юга, суть отроги Тянь-Шаня, извѣстные подъ названіемъ: Нуратинскихъ горъ, Туркестанскаго и Заревшанскаго кража, Ягнобскихъ и Гиссарскихъ горъ.

У Пенджекента рѣка Заревшанъ имѣетъ наибольшую массу воды, такъ какъ до этого города въ него вливается множество притоковъ и горныхъ потоковъ; но отъ Пенджекента воды его значительно уменьшаются, потому что ее усиленно начинаютъ разбирать по оросительнымъ каналамъ или арыкамъ. Такъ какъ земля Средней Азіи не родитъ безъ орошенія, то главныя заботы мѣстнаго населенія, прежнихъ властителей и нынѣшняго русскаго правительства состояли и должны состоять въ проведеніи, по возможности, бѣльшаго числа арыковъ и разумнаго пользованія водами, ими разносимыми. Древнѣйшіе арыки страны принадлежатъ ко временамъ наслѣдниковъ Тимура, такъ, наприм.: Мурза-арыкъ (по правой сторонѣ Заревшана) прорытъ при внукѣ Тимура, Улугъ-бекѣ, то-есть болѣе 440 лѣтъ тому назадъ; Даргамъ (по лѣвой сторонѣ Заревшана) прорытъ тому назадъ 490 лѣтъ Хозя-Ахрамомъ по порученію Абдулла-Азизъ-хана; Шахалъ

(по лѣвой сторонѣ Акъ-Дарьи) прорытъ 352 г. тому назадъ; Дахъ-арыкъ и Зюи-Калянъ (по лѣвой сторонѣ Заревшана), Вулунгуръ (по правой) и Тюя-Тартеръ при Абдулла-ханѣ, то-есть тому назадъ болѣе 300 лѣтъ. Заревшанскій округъ—самая хлѣбородная часть Туркестанскаго края и хлѣбопашество стоитъ въ немъ на высокой степени совершенства. Населеніе округа гораздо гуще, чѣмъ въ остальномъ краѣ. Состоитъ оно, главнымъ образомъ, изъ таджиковъ, иранскаго племени, самыхъ древнихъ насельниковъ края, и узбековъ, тюркскаго происхожденія, позднѣйшихъ покорителей онаго.

Многіе писатели смѣшиваютъ обѣ народности и величаютъ жителей края «сартами». Названіе это вызывало не разъ оживленные споры въ литературѣ, причемъ и до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ: считать ли имя «сартъ» браннымъ словомъ «трусъ», или придавать это названіе той части населенія, которое произошло отъ смѣшенія таджиковъ съ узбеками?

Таджики составляютъ, главнымъ образомъ, осѣдлую часть населенія и, чувствуя силу русскаго правительства, всегда находятся на его сторонѣ и радуются новымъ порядкамъ и новой жизни края. Таджики народъ рослый, красивый, съ правильными чертами лица, съ большими, правильно прорѣзанными темными глазами.

Узбековъ значительно больше; раздѣляются они на множество родовъ, изъ которыхъ весьма многіе были еще очень недавно кочевниками. Ханьковъ въ своемъ сочиненіи о Бухарскомъ ханствѣ приводитъ до 97 различныхъ родовъ узбековъ, имена которыхъ онъ заимствуетъ изъ книги *Насядъ Намяти узбекскія*.

Узбеки также довольно рослы, но цвѣтъ ихъ кожи желтѣе, чѣмъ у Таджиковъ, глаза уже и съ нѣкоторымъ заостреніемъ въ углахъ, а все лицо какъ бы квадратнѣе.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей, въ Туркестанскомъ краѣ живутъ арабы, остатки когда-то грозныхъ полчищъ, принесшихъ въ край религію Магомета, индійцы, евреи и цыгане.

Дальше въ горахъ Заревшанскаго округа живетъ народъ галячане или, правильнѣе, гальчи, по мнѣнію многихъ, горные таджики, слѣдовательно, также арійскаго корня, но сохранившіе въ своихъ горахъ въ большой чистотѣ всѣ отличительныя свойства народности и языка. Французскіе антропологи, какъ Henri Martin, Mortillet, Topinard, Giraud de Rialle, Uifalvy и друг., много занимались этимъ племенемъ и видятъ въ немъ аборигеновъ страны—«брахицефаловъ эпохи полированного камня», которые, распространяясь по земному шару и мало-по-малу смѣшиваясь съ другими народностями, стали родоначальниками кельтовъ и происшедшихъ отъ нихъ народовъ».

Съ какихъ поръ иранцы заняли Среднюю Азію, весьма трудно рѣшить, но, вѣроятно, они находились въ этой странѣ далеко до завоеванія Александра Македонскаго (IV в. до Р. Хр.), который, вмѣстѣ съ

тѣмъ, въ числѣ своихъ полчищъ не могъ не привести въ страну новыхъ насельниковъ и, вѣроятно, также большею частью иранцевъ. Впрочемъ, ученые, занимающіеся этнографіей края, увѣряютъ, что присутствіе греческой крови въ краѣ, и вообще въ Средней Азіи, незамѣтно; только горные таджики, да владѣтельные беки, живущіе въ горахъ, дающихъ начало притокамъ Аму-Дарьи, считаютъ себя потомками Искандеръ-Сюль-Карнайна, какъ они зовутъ Македонскаго, гордятся своимъ происхожденіемъ и чтутъ память великаго полководца.

Въ 571 г. по Р. Хр. историки приводятъ свѣдѣнія о набѣгахъ тюрковъ на Сыръ-Дарьинскую область; причемъ не слѣдуетъ забывать, что въ числѣ извѣстныхъ узбекскихъ родовъ существуетъ названіе тюрковъ.

Въ 675 или 676 гг. Самаркандъ подпадаетъ подъ власть арабовъ; въ началѣ VIII в. они окончательно утверждаются въ долинѣ Аму-Дарьи и Заревшана, занимаются распространеніемъ мусульманства съ тою настойчивостью и фанатизмомъ, которыми они всегда отличались. Раздѣливъ Среднюю Азію на нѣсколько областей, арабы продержались въ ней до конца IX ст. Въ это время, то-есть въ 276 г. гижры (889 г.), по изслѣдованіямъ барона Тизенгаузена, начинается царствованіе Саманидской династїи, при которой, съ одной стороны, началось возрожденіе персидскаго языка и литературы, съ другой—мусульманство еще болѣе окрѣпло, развилось и нафанатизировало толпы появленіемъ знаменитыхъ святыхъ толкователей корана.

Династїя Саманидовъ, какъ извѣстно, имѣла весьма бурное существованіе и большую часть времени провела въ кровавыхъ спорахъ между членами династїи и ихъ намѣстниками и въ безпрестанныхъ войнахъ съ сосѣдями. Въ 395 году гижры (1004 г.) Саманиды пали. Сельджукиды основываютъ тогда свою монархію и туранская народность пріобрѣтаетъ все большее преобладаніе, несмотря на то, что еще долго иранское царствіе сохраняетъ свое значеніе въ литературѣ и дипломатїи. Въ это же почти время возвышается и получаетъ значеніе въ краѣ династїя харезмскихъ государей, также иранскаго происхожденія.

Это были послѣдніе счастливые дни иранской народности въ Средней Азіи. Полчища Чингизъ-хана заволокли въ скоромъ времени весь край и, уничтожая все огнемъ и мечомъ, надолго водворили варварство въ долинѣ Аксарты и Оксы и утвердили преобладаніе туранской народности надъ иранской. При великомъ Тимурѣ, обратившемъ Самаркандъ въ столицу и мечтавшемъ сосредоточить въ ней всѣ духовныя силы мусульманства и сдѣлать ее достойною своего могущества и величія, народы тюркскаго племени укрѣпились въ Средней Азіи и, отдаваясь влеченію своего грознаго властителя, занялись науками и искусствомъ, которыя, судя по архитектурнымъ памятникамъ Самарканда, Бухары, Туркестана и друг., достигли весьма скоро самаго блестящаго развитія и совершенства. Внуку Тимура, Улугъ-бекъ, наследуетъ вкусамъ дѣда, занимается математикой и устраиваетъ обсерваторію въ Самаркандѣ.

Въ несчастію, блестящій вѣкъ Тимура кончился весьма скоро послѣ него, а уже съ царствованія Улугъ-бека начинаются войны, набѣги и частыя разоренія царственнаго Самарканда. Такъ, на примѣръ, при Улугъ-бекѣ узбекская конница его племянника Алаэть-довлета грабитъ всѣ окрестности города; въ 1451 г. узбеки, воспользовавшись спорами тимуридовъ, нападаютъ на Самаркандъ и подвергаютъ его совершенному разоренію; въ 1499 г. узбеки, предводительствуемые знаменитымъ Шейбани, завладѣваютъ Самаркандомъ, лишаютъ власти потомковъ Тимура, укрѣпляютъ окончательно въ странѣ преобладаніе своей народности и доводятъ ее до той степени варварства и запустѣнія, въ которой нашли ее русскіе при занятіи края.

Несмотря, однакожь, на всѣ перенесенныя имъ бури и утраты, Самаркандъ сохранилъ за собою въ глазахъ мусульманскаго населенія не только значеніе столицы мусульманскаго міра, но и священнаго города, и потому видѣть его въ рукахъ гяуровъ было вначалѣ немислимо для всякаго истиннаго мусульманина. Когда же сила превозмогла и войска наши заняли городъ, то мѣстное населеніе не оставляло попытокъ снова освободиться отъ непріятеля и, воспользовавшись выходомъ въ походъ большаго числа войскъ и слабостью оставленнаго въ немъ гарнизона, осадило его въ крѣпости и собиралось уже праздновать побѣду надъ гяурами новою рѣзней, когда подоспѣвшая помощь перевернула дѣло въ нашу пользу. Въ наказаніе за измѣну часть мѣстнаго города тогда же была снесена; мѣсто вокругъ крѣпости очищено, постройки на нынѣшней конной площади также и таджикскій городъ перерѣзанъ въ разномъ направленіи широкими улицами, которыя отняли у него первобытный характеръ и дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность не бояться неожиданнаго нападенія и держать въ повиновеніи народъ, подчиняющійся пока только одной грубой силѣ.

Русскія тройки гудятъ и заливаются нынѣ по широкимъ улицамъ таджикскаго города, подвязывая звонки только въ русской части, не признавая, такимъ образомъ, таджикской части за городъ, звоня и днемъ, и ночью, какъ будто для того, чтобы неизмѣнно и неустанно напоминать населенію о побѣдителяхъ и порабоженіи края.

Мѣстный таджикскій городъ, въ частяхъ, нами не тронутыхъ, состоитъ, подобно Ташкенту, изъ узкихъ улицъ и переулковъ, окаймленныхъ низенькими глиняными постройками, имѣющими только одну дверь на улицу, съ окнами и выходами во внутренній дворъ; между этими постройками — тѣсныя дворики, пирамидальныя тополи, пруды, оросительныя каналы и цѣлыя улицы, занятыя лавками, мастерскими, цирульнями, кухмистерскими, чайными лавками.

Русская часть города распланирована на широкія, правильныя улицы, обстроенныя низенькими одноэтажными домами, повсемѣстно обсаженныя пирамидальными тополями, акаціей, карагачами и айлантусами. Кромѣ того, въ городѣ имѣется тѣнистый Абрамовскій бульваръ, Ивановскій садъ, прелестно расположенный на террасахъ, откуда открывается видъ на го-

родъ, дамбу и желѣзно-дорожную станцію. Каждый частный домъ имѣетъ свой собственный садъ и дворъ. Въ общемъ зелени и прохлады масса, что необходимо въ этомъ жаркомъ и безводномъ климатѣ.

Масса зелени и садовъ въ русскихъ поселеніяхъ Средней Азіи удивляетъ насъ въ особенности потому, что русскій человѣкъ обыкновенно не отличается любовью къ посадкамъ, а гораздо чаще уничтожаетъ всѣ лѣса покореннаго края. Если здѣсь встрѣчаемъ совершенно противоположное, то обязаны этимъ единственно первому устройтелю края, генералу Кауфману, который издалъ распоряженіе, чтобы занимаемую мѣстность, прежде всего, орошали и обсаживали; примѣръ, разъ данный, вошелъ въ привычку. Подражателями и послѣдователями Кауфмана явились генералъ Корольковъ, Абрамовъ и Ивановъ, насадившіе сады Самарканда.

Не могу также не упомянуть сада военнаго губернатора, домъ котораго приютилъ насъ во время нашего пребыванія въ городѣ. Садъ и дворъ дома насажены генераломъ Корольковымъ съ такимъ вкусомъ и умѣньемъ, что нельзя не любоваться ими, нельзя не находить удовольствія отдыхать подъ нависшими вѣтвями *salix babylonica* или на берегу его извилистыхъ прудовъ.

Но лучшее мѣсто въ городѣ, — мѣсто, которое, кажется, никогда не забудется вами по оригинальности, скажу болѣе — по обширности и торжественности вида, открывающагося на таджикскій городъ, его мечети, улицы, лавки, пестрое населеніе, окрестности и далекія туманныя горы, это—уголъ Абрамовскаго бульвара. Выѣзжая здѣсь изъ широкой, но тѣнистой улицы русскаго квартала, вы заворачиваете немного направо и передъ вами открывается вдругъ совершенно новый, незнакомый міръ, страница изъ *Тысячи одной ночи*. Вотъ пестрые караваны верблюдовъ, вотъ продавцы дынь и арбузовъ въ пестрыхъ халатахъ и такихъ же тибетейкахъ, со смуглыми лицами, привѣтливыми темными глазами; вотъ мулла въ синемъ халатѣ и бѣлой широкой чалмѣ; вотъ женщина въ такомъ же почти одѣяніи, но совершенно закрытая черною власяною сѣткой; вотъ огромная пестрая арба, малорослый осель съ двумя халатниками на немъ; вотъ цѣлыя улицы лавокъ съ сидящими, торгующими халатами и чалмами... А надъ всею этою пестрою толпой въ голубой выси свѣтлаго, почти безцвѣтнаго неба голубыя главы торжествующихъ мечетей и минаретовъ; за ними безцвѣтные песчаные холмы, окаймляющіе слѣва весь городъ, холмы природные, носящіе имя персидскаго, почти мифическаго царя Афросіабы, но которые, вѣроятно, играли немаловажную роль въ исторіи древняго Мараканда... Левый уголъ Афросіабы былъ занятъ таджикскою крѣпостью; тутъ же заложена впоследствии и наша. Далѣе—громадное пустынное пространство, на которомъ найдете и валы, и слѣды построекъ, и значительный могильникъ. Могильникъ этотъ огибаетъ весь холмъ, центръ котораго занимало, вѣроятно, городище, и, проходя за стѣнами мечети Шахъ-Зинде, заворачиваетъ вправо, окружая городъ правильнымъ обширнымъ кольцомъ могильныхъ склеповъ и простыхъ могилъ,

слѣды которыхъ находимъ и по дорогѣ къ мечети Хаджи-Ахраръ, расположенной въ пяти верстахъ отъ города.

Раскопки, предпринятыя въ разное время на Афросіабѣ, открыли намъ пока только два наслоенія: верхнее — мусульманское и болѣе древнее — бактрійское; раскопки эти были, однакожь, не настолько серьезны, чтобы возможно было на ихъ основаніи сказать что-либо окончательное объ этой мѣстности, которая достойна большаго вниманія со стороны нашихъ ученыхъ и потребуетъ для своего окончательнаго изученія большихъ пожертвованій и временемъ, и деньгами. Пока можемъ сказать одно, что вещи, находимыя на Афросіабѣ, очень похожи на тѣ, которыя добываются въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бухары, въ мѣстности, занесенной песками и называемой Ходжи-обонъ.

Отсутствіе правильныхъ раскопокъ на Афросіабѣ и другихъ мѣстностяхъ края не мѣшаетъ, однакожь, постепенному расхищенію ихъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ Афросіабѣ роются постоянно и вы всегда можете въ Самаркандѣ купить вещи, добытыя изъ этой мѣстности; кромѣ того, имѣются въ городѣ мѣстныя коллекціи у нѣсколькихъ сартовъ, которые собираютъ ихъ ради курьеза, иногда торгуютъ ими, болшею же частью хранятъ, не умѣя разобрать и на самомъ дѣлѣ не интересуясь ими.

Той же участи подвергаются и курганы края, что весьма недавно пришлось подтвердить г. Калю: баронъ Тизенгаузенъ просилъ его произвести раскопку въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, откуда получаютъ чаще всего монеты временъ илековъ; г. Каль поѣхалъ, но нашелъ всѣ могилы разграбленными.

Я имѣла уже случай упомянуть, что Самаркандъ стоитъ въ долинѣ Заревшана, древняго Согдіана; долина эта извѣстна своимъ многоводіемъ и плодородіемъ; извѣстна она также и особенною своею красотой. Остатки Афросіабы, надписи на скалахъ Тамерлановыхъ воротъ и постройки въ этой мѣстности древняго Мараканда съ его великолѣпными мечетями и остальными памятниками старины доказываютъ, что мѣстность эта была оцѣнена и въ древности.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города на Заревшанѣ находятся остатки такъ называемаго моста Тамерланова, состоящаго нынѣ изъ нѣсколькихъ арокъ, сложенныхъ изъ кирпича, и, если судить по массѣ валяющихся вокругъ нихъ изразцовъ, вѣроятно, ими облицованныхъ, — арокъ, служившихъ скорѣе водопроводомъ, чѣмъ мостомъ. Въ окрестностяхъ города сохранилось значительное число мечетей, болѣе или менѣе замѣтельныхъ по архитектурѣ и пользующихся уваженіемъ и посѣщеніемъ мѣстныхъ жителей. Въ самомъ же Самаркандѣ, въ укромной, тѣсной долинѣ, у подошвы Афросіабы, находится могила святаго Даньяра, огромныхъ размѣровъ, пользующагося уваженіемъ самаркандцевъ и окрестныхъ жителей.

Изъ всѣхъ памятниковъ Самарканда замѣчательны въ особенности его мечети и медресе.

Но прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному описанію этихъ зданій, позволю себѣ, для болшей ясности и для того, чтобы впоследствии не

возвращаться къ подробностямъ, сказать нѣсколько словъ вообще о способѣ кладки этихъ построекъ, о планѣ, расположеніи ихъ и архитектурныхъ особенностяхъ.

Сложены всѣ эти зданія изъ тонкихъ, свѣтлыхъ, прочныхъ плитокъ изъ весьма тонкой, плотной и чистой массы, хорошо смятой и ровно обожженной; плитки эти имѣютъ удлиненную, четырехъугольную форму и сложены на извести весьма прочной, твердой и занимающей столь тонкій слой между кирпичами, что присутствіе ея совершенно незамѣтно. Обыкновенныя стѣны сложены изъ подобныхъ кирпичей горизонтальною кладкой, по отдѣльнымъ частямъ зданій, въ особенности своды надъ входами, корридорами или самыми мечетями, представляютъ кладку самыхъ затѣйливыхъ и изысканныхъ формъ, въ видѣ крестовъ, звѣздъ, замкнутыхъ сводовъ и проч.

Большая же масса стѣнъ мечетей, медресе и минаретовъ, даже шейки или барабаны главъ, цѣлые фризы, пояса—представляются намъ въ видѣ подобной же кирпичной кладки, по которой выложены разнородными шрифтами цѣлыя надписи, имена строителей, годы построения и благочестивыя изреченія цвѣтными (обыкновенно бѣлыми, голубыми и синими) изразцовыми плитками удлиненной узкой формы. Такъ, наприм., на барабанѣ главы мечети Гуръ-Эмиръ послѣдовательно располагается одно и то же выраженіе: «Богъ Всевышній»; на минаретѣ той же мечети спиральная надпись квадратнымъ почеркомъ «Богъ великъ»; на минаретѣ медресе Ширъ-даръ въ верхнемъ поясѣ читается часть надписи «Султанъ...»; въ нижнемъ поясѣ «Всевышній или Справедливый...»; на поверхности минарета надписи читаются трудно, но разбирается слово «Аллахъ»; на внѣшней стѣнѣ медресе, составляя и тутъ какъ бы сплошной рисунокъ или украшеніе, повторяются квадратнымъ письмомъ двѣ надписи: «Аллахъ...» и какъ будто «Султанъ Ахмедъ».

Подобная прокладка пестрыхъ изразцовыхъ пластинокъ по кирпичу, вначалѣ въ весьма скромныхъ размѣрахъ, была, вѣроятно, древнѣйшая форма зарождающагося новаго искусства, первый опытъ возвращенія къ полихроміи древнихъ подъ видомъ поливныхъ кирпичныхъ плитокъ. Впослѣдствіи мастера этого дѣла, развивая его все болѣе и болѣе, стали выводить изъ тѣхъ же пестрыхъ плитокъ цѣлые пояса, пилястры, надписи; еще далѣе стали придавать цвѣтнымъ плиткамъ не все ту же однообразную удлиненную, прямоугольную форму, а формировать изъ разноцвѣтной массы лепестки, сердцевинки, травы, звѣзды и, выкладывая ихъ въ отдѣльныя ячейки, въ особу для того приготовленной цементной массѣ, покрывали такимъ образомъ цѣлыя стѣны самыми тонкими, разнообразными рисунками, для которыхъ пришлось создавать новыя краски, новыя цвѣта. Еще шагъ—и мы имѣемъ дѣло съ изразцами самой причудливой формы, лѣпленными отъ руки, съ выпуклою поверхностью, весьма искусно воспроизводящею цвѣты, травы, надписи, годы построения, съ плотною поливкой голубаго прозрачнаго цвѣта. Позднѣе дѣло упрощается: заготавливаются

цѣльныя плиты бѣльшихъ и меньшихъ размѣровъ; онѣ расписываются и обжигаются и гладкая пестрая поверхность ихъ, все въ тѣхъ же гармоничныхъ синихъ и голубыхъ цвѣтахъ, замѣняетъ, иногда весьма удачно, хотя и болѣе изящную, но копотную мозаичную прокладку, упоминаемую выше. Болѣе поздними изразцами слѣдуетъ, можетъ быть, считать расписные цвѣтные изразцы съ слѣдами золота, пріобрѣтенные нами при раскопкѣ въ саду самаркандскаго жителя, таджика муллы Курбата-Мурада, рисунки и цвѣта которыхъ не встрѣчаются въ мечетяхъ Самарканда.

Мусульманская мечеть не есть отдѣльное зданіе, а, напротивъ того, составляетъ цѣлую комбинацію зданій, назначенныхъ для разныхъ цѣлей и располагаемыхъ среди болѣе или менѣе обширнаго двора. Главное молитвенное зданіе находится обыкновенно въ глубинѣ южной стороны двора и представляетъ въ своихъ деталяхъ, отдѣлкѣ и архитектурныхъ особенностяхъ полную и окончательную форму мечети. Планъ подобнаго зданія составляетъ болѣею частью правильный четырехугольникъ или кубъ, получающій свѣтъ изъ дверей и тѣхъ узкихъ оконъ, которыя располагаются въ верхнихъ частяхъ зданія; надъ кубомъ устанавливается могучій барабанъ или шейка, поддерживающіе куполь. Передняя часть зданія украшается триумфальною аркой, составляющею входъ въ мечеть, драпирующей всю переднюю часть оной и заканчивающейся обыкновенно прямолинейнымъ фронтономъ и минаретами по обѣимъ сторонамъ. На востокъ и западъ двора располагаются отдѣльныя мечети, обыкновенно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ зданіе съ южной стороны, но со всѣми тѣми же подробностями и деталями, которыя были замѣчены у перваго зданія, за исключеніемъ, впрочемъ, минаретовъ. Съ сѣвера, то-есть со стороны, обыкновенно выходящей на улицу, находимъ со стороны улицы триумфальную арку со всѣми ея деталями и архитектурными особенностями и минаретами; со стороны же двора полуоткрытое помѣщеніе въ видѣ навѣса, служащее весьма часто молитвеннымъ помѣщеніемъ или мѣстомъ отдохновенія.

Всѣ вышеупомянутыя зданія соединяются между собой крытыми помѣщеніями, въ одинъ или два этажа,—помѣщеніями, раздѣленными обыкновенно на полутемныя кельи, получающія свѣтъ только черезъ дверь, выходящую на общій дворъ. Въ зданіяхъ, предназначенныхъ только подъ мечеть, помѣщенія эти занимаются муллами, ихъ прислужниками и пріѣзжающими правовѣрными для моленія въ мечетяхъ. Если же при мечети находится и медресе, то помѣщенія эти отводятся учащейся молодежи и ихъ преподавателямъ. Въ зданіяхъ, имѣющихъ назначеніе подобнаго рода, крытыя помѣщенія эти соединяются весьма часто съ верхними этажами мечетей и сѣвѣрною триумфальною аркой, въ стѣнахъ которыхъ устраиваются также жилыя помѣщенія, бібліотека и пр.

Дворъ подобнаго зданія, обыкновенно, весьма обширенъ, посрединѣ имѣетъ водоемъ, обсаженъ деревьями и вымощенъ на всемъ своемъ протяженіи.

Если же подобное зданіе назначается прямо и единственно подъ медресе (то-есть училище), то форма его измѣняется только въ томъ, что

самыя мечети замѣняются открытыми помѣщеніями или навѣсами, расположенными на тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ собираются для молитвы, отдохновенія и поученія; архитектурныя же детали и отдѣлка, равно какъ и минареты, остаются тѣ же. Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ допускаются измѣненія: такъ, на примѣръ, въ медресе Улугъ-бека въ Самаркандѣ главная мечеть, расположенная обыкновенно въ глубинѣ двора, сдвинута вглубь постройки и приняла видъ удлиненнаго прямоугольника съ двумя боковыми многогранными меньшими мечетями; медресе же Тилли-Кари, въ томъ же Самаркандѣ, имѣетъ свою главную мечеть въ восточной сторонѣ двора, что можетъ объясниться, можетъ быть, тѣмъ, что Улугъ-бекъ съ этой стороны пристроилъ свою обсерваторію и что то, что мы принимаемъ теперь за мечеть, могло служить для ученыхъ цѣлей знаменитаго бека.

Для лѣта строятся обыкновенно отдѣльно отъ главныхъ мечетей и въ связи съ вышеописаннымъ главнымъ дворомъ ихъ другія, болѣе мелкія мечети, состоящія изъ просторнаго навѣса, потолокъ котораго, деревянный, рѣзной и росписной, покоится на такихъ же колоннахъ. Роспись потолковъ подобныхъ мечетей рѣзко отличается отъ росписныхъ изразцовъ и должна быть признана позднѣйшаго произведенія. При подобныхъ мечетяхъ дворъ обращается въ садъ съ тѣнистыми, почти всегда, вѣковыми деревьями, подъ сѣнью которыхъ правовѣрные отдыхаютъ на берегу всегда имѣющагося пруда.

Кончая съ общими замѣчаніями касательно архитектурныхъ особенностей построекъ Средней Азіи, позволяю себѣ высказать мои соображенія касательно куполовъ, которыми обыкновенно вѣнчаются всѣ эти зданія. Куполообразныя постройки вызывались въ странѣ, вѣроятно, слѣдующими причинами: недостаткомъ лѣса и камня и необходимостью довольствоваться кирпичными постройками; кромѣ того, подобныя постройки имѣютъ за собой свою необходимую вышину и свѣжесть, которыя болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, должны цѣниться въ жаркомъ и сухомъ климатѣ Средней Азіи. Навести же на мысль о куполѣ могли и должны были кибитки или палатки кочевниковъ - дикарей, любимое и почти единственное жилье и до сихъ поръ не-городскихъ жителей края. Мнѣ думается, что первыя куполообразныя постройки имѣли иной видъ, чѣмъ тѣ колоссальныя зданія, которыми любуются нынѣ въ Самаркандѣ: первыя купола выходили прямо изъ стѣнъ зданія и образовывали, такимъ образомъ, то необходимое покрытие, которое требовалось всякимъ зданіемъ и которое оказывалось возможнымъ при тѣхъ техническихъ примѣненіяхъ, которыя имѣлись при такомъ несложномъ матеріалѣ, какъ кирпичъ. Подобныя купола встрѣчаемъ на киргизскихъ кладбищахъ вдоль теченія Сыръ-Дарьи, на кладбищахъ Джаникента, въ мечети древняго Анау близъ Асхабада, въ нѣкоторыхъ надгробныхъ постройкахъ Шахъ-Зинде въ Самаркандѣ, въ Минарѣ Абу-Дерунъ въ окрестностяхъ Самарканда, въ знаменитой мечети Хазретъ-Тимуръ или Ахметъ-Яссавія въ г. Туркестанѣ и въ тѣхъ колодцахъ и раба-

тахъ, которые построены во многихъ мѣстахъ Голодной степи между Джизакомъ и Ташкентомъ.

Современемъ куполь развивается, принимаетъ большіе размѣры и, гордо возвышаясь надъ постройкой, требуетъ барабана или шейки, которые и дѣлаются въ XIV в. неотъемлемою необходимостью мусульманской постройки.

Всматриваясь ближе въ способъ постройки высокихъ куполовъ, приходимъ къ убѣжденію, что они возводились какъ бы поверхъ перваго, болѣе низкаго купола, который, подпираемый широкимъ раздающимся куполомъ, входилъ въ его составъ въ видѣ шейки купола. Подобную комбинацію прослѣдить легко въ мечети Гуръ-Эмаръ и на развалившемся куполѣ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ. Въ самомъ центрѣ подобнаго купола устанавливался кирпичный столбъ, четырехъугольный или круглый, выведенный поверхъ нижняго купола и служащій иногда для укрѣпленія распорокъ или связей барабана купола, какъ въ Гуръ-Эмарѣ, или доходящій до самаго верха, въ видѣ главнаго устоя верхней части купола, какъ въ Биби-Ханымъ. Вокругъ этого столба распредѣляются правильными радіусами плоскія кирпичныя стѣнки—родъ распорокъ купольной постройки.

Графиня П. Уварова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Владимир Александрович

Русская
РУССКАЯ

12

Мысль

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

12

МОСКВА.

Тито-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Цыгановская улица, соб. домъ.

1891.

Поѣздка въ Ташкентъ и Самаркандъ *).

Мечети города Самарканда, всѣ безъ исключенія, поражаютъ своимъ величіемъ, но лучшая и болѣе характерная изъ нихъ,—мечеть, по которой легче всего изучить способъ кладки, разнообразность техники въ приготовленіи цвѣтной черепицы, составляющей главный орнаментъ этихъ мечетей, это, безъ сомнѣнія, Шахъ-Зинде.

Шахъ-Зинде построена Тимуромъ въ честь своего учителя Куссамъ-Абасса на откосѣ древней Афросіабы и составляетъ какъ бы новѣйшее освященіе древняго доисторическаго некрополя. Шахъ-Зинде не есть какое-либо отдѣльное зданіе, а состоитъ изъ цѣлой связи часовень, двориковъ, молельни и погребальныхъ камеръ, связанныхъ между собой общимъ корридормъ, къ которому ведетъ высокая лѣстница, поднимающаяся съ улицы Хи-обонъ, расположенной у подошвы одного угла Афросіабы корридормъ, врѣзывающимся со всѣми своими зданіями въ глубину холма Афросіабы.

Верхній конечный дворъ всѣхъ этихъ построекъ открытый, но по сторонамъ его крытыя погребальныя камеры и открытая арка въ глубинѣ. Правая сторона этого двора облицована изразцовой мозаикой, т.-е., какъ выше было указано, разноформенными плитками, вставленными на цементной массѣ и представляющими комбинацію цвѣтовъ бѣлыхъ (весьма теплыхъ), желтыхъ, синихъ, голубыхъ, зеленыхъ, черныхъ, розоватыхъ,—нѣчто напоминающее позднѣйшую флорентинскую мозаику. Буфическія надписи, переплетаясь и мѣняясь почерками, составляютъ цѣлыя арки, украшенія, пояса, фронтоны и, сливаясь съ остальнымъ орнаментомъ въ одно цѣлое и нѣчто весьма гармоничное, дополняютъ картину и придаютъ ей величіе и значеніе историческаго памятника. Одна изъ этихъ надписей гласитъ, что памятникъ воздвигнутъ шейхомъ Мухаметомъ, бекъ (сынъ) Хаджи изъ Тавриза. Другая передаетъ намъ, что въ усыпальницѣ покоится прахъ женщины (имя исчезло) изъ царскаго рода, похороненной въ 880 г. Такъ какъ 880 г. геджры равняется нашему 1477, то рождается вопросъ: бы-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

до ли самое зданіе возведено послѣ кончины Тимура, скончавшагося въ 1405 г., или оно только обращено въ усыпальницу послѣ него, для чего могли воспользоваться зданіемъ прежде возведеннымъ? Разнообразіе въ формахъ, рисунокъ и цвѣтахъ заставляло бы насъ, можетъ быть, склониться къ первому предположенію, но изящество исполненія вышеупомянутой мозаики, мягкость и гармоничность цвѣтовъ заставляютъ предпочесть второе и согласиться, что мозаичныя украшенія эти вполне достойны великаго Тимура. Надъ усыпальницей могучій куполъ, покрытый голубыми изразцами. Внутренность ея представляется намъ при слѣдующей облицовкѣ: по низу темно-зеленый широкій поясъ; поверхъ него второй, одного дѣла и рисунка съ внѣшнею облицовкой; поверхъ всего сводъ лѣпной и расписной во вкусъ алхамбры. Стѣны арки въ глубинѣ двора и камеры лѣвой стороны его составлены изъ рельефныхъ изразцовъ, въ которыхъ преобладаетъ голубой цвѣтъ. Синій цвѣтъ этихъ изразцовъ, равно какъ и голубой, отливаетъ зеленоватымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ стѣны первой камеры отличаются болѣе рѣзкимъ чистымъ цвѣтомъ. Среди рельефныхъ частей находимъ цѣлыя пояски, колонны и пилястры, сложенные изъ мелкихъ удлиненныхъ изразцовъ, бѣлыхъ, голубыхъ, синихъ и красновато-лиловыхъ. Сводъ арки изъ рельефныхъ изразцовъ и выведенъ въ видѣ сталактитовъ; внутри подъ аркой сяная рельефная кувическая надпись квадратнымъ почеркомъ. Стѣна эта, судя по надписи, окончена въ 762 г. (1359); имени мастера нѣтъ, вѣроятно, потому, что надпись частью сбита. Внутренность лѣвой камеры облицована такими же рельефными изразцами. Сводъ ея теперь обрушился и она представляется намъ въ видѣ открытаго дворика. Извнѣ (со стороны Афросіабы) стѣны ея обложены кирпичомъ и голубыми изразцовыми рельефными звѣздочками, составленными изъ переилетенныхъ между собой пятилиственниковъ. Выходная арка этого перваго двора стрельчатая и покрыта тѣми же изразцами, какъ правая стѣна. Второй дворикъ крытый и на 5 ступеней ниже перваго; облицовка его почти вся уничтожена; полъ мраморный и вокругъ двери слѣды рѣзныхъ мраморныхъ украшеній, состоящихъ также изъ сплетеній кувической вязи съ цвѣтами и травами. Сама дверь—древняя деревянная рѣзная—одного характера со всѣми остальными въ Самаркандѣ; на дверяхъ бронзовыя клепалы—петли. Надъ дверью гладкая надпись, съ именемъ Шахъ-Зинде. За этою дверью—квадратъ, состоящій изъ корридора, мечети и усыпальницы святаго. Мечеть крайне испорчена: сохранились только гладкіе разноцвѣтные изразцы въ нижнемъ поясѣ и вокругъ ниши, упирающейся во дворъ. Усыпальница имѣетъ голубой гладкій поясъ, обрамленный вторымъ, болѣе узенькимъ, пестрымъ и гладкимъ мозаичнымъ; самый сводъ—изъ рельефныхъ изразцовъ, сложенныхъ сталактитами. Предъ усыпальницей крытый притворъ, изъ котораго ходъ въ мечеть, въ усыпальницу и въ подземную камеру. Святой покоится въ глубинѣ камеры, всегда запертой, за рѣшетчатымъ окномъ, составляющимъ фонъ усыпальницы и осѣненнымъ знаменами и бунчуками; рядомъ, въ отдѣльномъ помещеніи, огромная мраморная плита, придѣланная къ стѣнѣ,

три ней также бунчукъ и бараньи рога. Помѣщеніе освѣщено маленькими алебастровыми окнами съ мягкимъ фантастическимъ свѣтомъ, — картина величественная и таинственная, вполне гармонизирующая съ усыпальницей святаго и постройкой великаго Тимура. Изъ дворика начинается открытый спускъ до самой улицы. Налѣво—стѣна, освѣщенная кое-гдѣ деревьями. Направо—четыреугольная, частью завалившаяся постройка, облицованная такими же изразцами, какъ правая стѣна перваго дворика. Зданіе это, судя по надписи, усыпальница женщины: «Туманъ-ока, дочери праведнаго Эмира, Эмира Муссы». Рядомъ—камера, огромное куполовидное помѣщеніе, сильно исправленное и украшенное рѣзными мраморными плитами. Въ облицовкѣ послѣдующей завалившейся усыпальницы находимъ новый способъ орнаментировки: гладкія боковыя плиты и всѣ пояски состоятъ изъ расписныхъ изразцовъ, въ составъ рисунка которыхъ входятъ уже персидскіе травы, цвѣты и комбинаціи. Еще дальше—усыпальница, сохранившая камеру и куполъ. Внешнія боковыя стѣны имѣютъ облицовку съ тѣми же голубыми звѣздами, которыя мы замѣтили въ верхнемъ зданіи. Изразцовые ободки составлены изъ вышеописанныхъ бѣлыхъ, голубыхъ и синихъ изразцовъ, но плить и поясковъ съ персидскимъ орнаментомъ еще больше, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ развалинахъ. Изразцы эти также расписные, но гораздо грубѣе поливой, рисункомъ и работой, чѣмъ первые. Внутренность камеры и весь куполъ обложенъ такими же расписными изразцами, съ нѣкоторыми мелкими поясками изъ удлиненныхъ изразцовыхъ плитокъ бѣлаго, синяго и голубаго цвѣта. Въ виду того, что камера эта сохранилась лучше остальныхъ и что въ деталяхъ украшеній послѣднихъ двухъ находимъ новыя и болѣе грубыя детали въ орнаментикѣ и даже въ самой техникѣ, весьма жаль, что именно на этихъ зданіяхъ нѣтъ датъ, могущихъ указать на время ихъ возведенія. Послѣдующія два зданія покрыты большими голубыми куполами и облицованы выпуклыми изразцами, рисунка и цвѣта первой лѣвой стѣны. Зданія эти хорошо сохранились во внешнихъ и внутреннихъ своихъ частяхъ. Надпись гласитъ, что постройки эти возведены въ 773 г. (1370 г.) мастерами: Шамсъ-уддинъ и Зайнъ-уддинъ. Послѣднія четыре усыпальницы корридора частью лежатъ въ развалинахъ, частью сохранили свои камеры, куполъ и облицовку. На стѣнахъ ихъ находимъ даты, указывающія на ихъ построенія въ 787 и 788 году гиджры и на погребеніе въ одной изъ нихъ Ширинъ-бека—Бекъ-ока. Высокая лѣстница въ 30 ступеней ведетъ васъ далѣе къ выходу. Здѣсь по правую руку вы встрѣчаете снова значительную усыпальницу, сохранившую огромный куполъ на высокомъ барабанѣ, обложенномъ сплошнымъ рисункомъ-надписью изъ бѣлыхъ, голубыхъ и синихъ изразцовъ. Внешняя сторона зданія и внутренняя облицовка того же характера, какъ и вышеописанныя. Зданіе это имѣло, вѣроятно, по обѣимъ сторонамъ фаса двѣ меньшія камеры, увѣнчанныя также высокими шейками и куполами; изъ этихъ камеръ сохранилась только одна, куполъ которой также весьма живописенъ. Входную дверь ко всѣмъ описаннымъ зданіямъ, со стороны улицы, составляетъ высокая триумфальная арка

съ надписями, колоннами, поясками и проч., составленными изъ тѣхъ же цвѣтныхъ изразцовъ. Въ общемъ, зданіе очень пострадало, но по существующимъ остаткамъ легко себѣ представить его обширность и величіе, когда некрополь этотъ, со всѣми прилегающими къ нему зданіями, красовался въ полной своей сохранности. Очень вѣроятно, что, кромѣ описанныхъ зданій, весь корридоръ и прилегающія камеры, отъ которыхъ теперь остались только слѣды, имѣли ту же общую облицовку и потому, вѣроятно, эффектъ всей этой постройки былъ нѣкогда вполне величественъ и фантастиченъ. Вообще зданіе весьма основательное: вездѣ видны подземныя постройки, водопроводы и трубы для стока воды; въ нишахъ корридора вмазаны сосуды для сохраненія воды; за стѣнами зданія, къ которому примыкаютъ отроги Афросіабы, слѣды весьма обширнаго и разновременнаго могильника. У ступеней триумфальной арки новопроложенная улица, которая отрѣзала отъ зданія вышній, ей, въ былое время, принадлежащій дворъ; размѣръ этого двора трудно себѣ представить нынѣ, но по ту сторону улицы сохранились старыя карагачи, которыя, вѣроятно, осѣняли своею тѣнью водоемъ, принадлежащій и необходимый всякому молитвенному мусульманскому зданію.

Шахъ-Зинде, по преданію, построена Тамерланомъ; приведенные въ нашемъ описаніи годы подтверждаютъ это сказаніе и, во всякомъ случаѣ, мечеть эта достойна того великаго повелителя, который считается ея строителемъ и основателемъ. Подобное зданіе уже издалека побѣждаетъ ваше воображеніе, переступая же его порогъ, вы на первыхъ порахъ такъ поражены и очарованы, что сидите и не знаете, чѣмъ больше любоваться—синевою ли непроницаемаго неба, силуэтами ли и профилями зданій, блескомъ ли голубыхъ изразцовъ, сѣроватою ли листвою деревьевъ, распустившихся подъ сѣнью этихъ стѣнъ и куполовъ, пестрыми ли пятнами, образуемыми въ картинѣ, сонными ли муллами, перебирающими четки во дворахъ и на ступеняхъ мечети. Вы сидите и смотрите... и только мало-по-малу начинаете разбираться въ формахъ, рисункахъ, даже цвѣтахъ. Тогда только вы понимаете, что приказать построить подобное зданіе могъ только великій, могущественный повелитель, что построить его могъ только художникъ-архитекторъ съ массою такихъ же художниковъ-помощниковъ въ лицѣ строителей, рисовальщиковъ, химиковъ, формовщиковъ. Разсмотрите, на самомъ дѣлѣ, всѣ эти зданія и вы увидите, что на каждую колонку, на каждую капитель, на арку, стѣнку, поясокъ,—на все требовалась отдѣльная форма, отдѣльная отливка: на колонкахъ—то годъ, то имя мастера, на всѣхъ аркахъ, пояскахъ, гробницахъ—то имя основателя, то имя покойника, то благочестивое изреченіе, и вездѣ свое особое, оригинальное.

Любовь къ текстамъ и изреченіямъ доведена до того, что все покрыто ими: шейки куполовъ, арки, цѣлыя громадныя стѣны; изреченія и надписи эти или вылиты отдѣльными кусками (въ мелкихъ частяхъ), или составляютъ изъ удлиненныхъ изразцовъ цѣлую сѣть рисунковъ, которые неопыт-

ный глазъ, незнакомый съ восточнымъ алфавитомъ, расположенъ постоянно принять за простой восточный орнаментъ.

Изъ остальныхъ мечетей Самарканда назовемъ: Гуръ-Эмиръ (могила эмира) или Эмиртимуръ—могила Тамерлана, величественное зданіе въ формѣ осмигранника, построенное надъ могилою великаго Тимура († 1405 г.), вѣроятно, весьма скоро послѣ его кончины и достроенное впоследствии при его дальнѣйшемъ потомствѣ. Главное зданіе (восьмигранникъ) составляетъ древнюю часть постройки, къ которой принадлежитъ, вѣроятно, и единственный минаретъ, оставшійся справа и застроенный позднѣйшими пристройками. Впрочемъ, и эти послѣднія очень пострадали, такъ что по существующимъ остаткамъ ничего нельзя сказать объ ихъ прежнемъ назначеніи. Поверхъ нижняго осмигранника покоится могучая шейка барабана, прикрытая такимъ же могучимъ волнистымъ куполомъ, о которомъ мы высказали выше предположеніе, что онъ составляетъ новѣйшую обкладку болѣе древняго и низкаго купола. Новѣйшія пристройки Гуръ-Эмира образуютъ какъ бы притворъ къ самой мечети; предъ ними четвероугольный дворъ, въ былое время, вѣроятно, обстроенный погребальными камерами или медресе; во дворѣ сохранилось еще нѣсколько деревьевъ, но фонтана или водоема болѣе нѣтъ. Со стороны сѣвера дворъ замыкается стѣной или аркой, подобно тому, какъ и въ обыкновенныхъ мечетяхъ. Въ мечети покоится *) прахъ Тамерлана подъ извѣстнымъ нефритовымъ монолитомъ (разломанъ пополамъ); вокругъ него его родичи; въ сосѣднихъ, меньшихъ камерахъ его жены и дочери. Памятники обведены низкою алебастровою прорѣзною рѣшеткой; въ головахъ маленькая купольная часовенка, въ которой при случаѣ зажигаются свѣчи; надъ нею знамена и бунчуки. Стѣны мечети обложены въ нижнихъ частяхъ мавританскимъ алебастромъ, обдѣланнымъ осмигранниками и переливающимъ, несмотря на темноту помѣщенія, всѣми цвѣтами радуги, выше стѣны украшены лѣпною работою во вкусѣ алхамбры. Куполъ былъ покрытъ сплошными изразцами, обыкновенной удлиненной формы, синяго и голубаго цвѣта, съ нѣкоторыми желтоватыми звѣздами внизу; переходъ купола къ шейкѣ образуется двумя рядами сталактитовъ изъ подобныхъ же изразцовъ. Изразцы купола, въ былое время голубые, вѣроятно, облиняли отъ атмосферическихъ перемѣнъ, что можно заключить изъ того, что верхняя часть постройки и въ особенности южная почти лишены поливы. Между тѣмъ какъ изразцы гораздо сохраннѣе съ сѣверной стороны (со стороны двора), гдѣ лучи солнца не такъ сильно дѣйствуютъ на нихъ. Переходъ отъ купола къ шейкѣ составляютъ два пояса, изъ которыхъ нижній состоитъ изъ прокладки по кирпичу рисунка изъ голубыхъ и синихъ изразцовъ. Еще ниже—широчайшая надпись такого же дѣла. Осмигранная нижняя стѣны покрыты такими же надписями, выведенными по кирпичу, подобно шейкѣ купола, голубыми и синими изразцовыми плитками; изъ этихъ стѣнъ только нѣкоторыя сохранились въ неприкосновенномъ видѣ.

*) Настоящія могилы находятся въ нижнемъ помѣщеніи, въ землѣ.

Переднія стѣны мечети, равно какъ и сохранившаяся часть сѣверной триумфальной арки со стѣнами, арками, колонками и надписями, покрыты прелестнѣйшею, тончайшею мозаичною работою изъ изразцовъ, которые по изящности своихъ контуровъ и мягкости топовъ могутъ конкурировать съ лучшими флорентинскими произведеніями. Двери главной мечети, равно какъ и боковыхъ погребальныхъ камеръ—тончайшей рѣзбы по дереву. Вправо отъ мечети остатокъ водоема или пруда со старыми карагачами. Мѣсто вокругъ всего зданія очищено по приказанію русскаго правительства и за послѣднее время обращено въ прелестный садъ.

Биби-Ханымъ—мечеть, построенная, по преданію, Тимуромъ, какъ мѣсто упокоенія любимой его жены, китайской принцессы. Терракоттовая надпись надъ главнымъ входомъ подтверждаетъ (по мнѣнію Каля) это преданіе. Мечеть громаднѣхъ размѣровъ; пострадала она болѣе другихъ, по рассказамъ старожиловъ, отъ землетрясенія, отъ чего раздвинулись стѣны, обрушилась часть купола и потянуло (скорѣй оттянуло) всю облицовку,— обстоятельство, позволяющее намъ изучить способъ ея прикрѣпленія къ стѣнамъ зданія. Мы упоминали выше, что стѣны зданій выводились изъ кирпичныхъ тонкихъ четырехугольных плитокъ; въ выведенныя стѣны вставлялись въ разномъ разстояніи одна отъ другой деревянныя балки, которыя должны были связывать и поддерживать тотъ слой алебастрового тѣста, въ который вставляли изразцы. Подгнивали эти балки или землетрясеніе трогало зданіе—и алебастровая облицовка съ изразцами отдѣлялась отъ главной кладки, сваливалась, а кое-гдѣ виситъ и донынѣ, грозя ежеминутнымъ паденіемъ. Главная мечеть Биби-Ханымъ оштукатурена внутри алебастромъ и расписана во вкусѣ алхамбры. Куполъ ея гладко-голубой; книзу мозаичный звѣздообразный ободокъ синяго и голубаго цвѣта; ниже переходъ къ шейкѣ—сталактиты изъ обожженной глины съ легкимъ изразцовымъ украшеніемъ. Шейка барабана состоитъ изъ трехъ надписей, расположенныхъ другъ надъ другомъ, двѣ верхнія мозаичныя, нижняя, самая широкая, кирпичная, съ выкладкой цвѣтныхъ изразцовъ. Боковыя стѣны зданія такія же. Передняя триумфальная арка, громаднѣйшихъ размѣровъ, въ верхнихъ частяхъ выложена по кирпичу; ниже идетъ мозаичная круглая надпись, а главныя стѣны состоятъ снова изъ выкладки по кирпичу, но съ прелестнѣйшими мозаичными бордюрами въ видѣ гранатовыхъ цвѣтовъ. Высокая входная дверь имѣетъ такую же рамку; углы надъ аркою наполнены рельефами неправильной формы изъ terracotta съ мозаичными звѣздами; поверхъ всего такая же надпись, часть которой, къ несчастію, уже обвалилась. Арка заканчивается колоннами изъ терракотты и мозаики, стѣнными фасадами изъ выкладки по кирпичу, мозаичными арочками и такими же надписями; капители и подушки колоннъ также мозаичныя. Къ фасаду этому приставлены осьмигранные минареты (теперь безъ верха), покрытые орнаментомъ изъ расписныхъ звѣздъ, между которыми вставлены гладкіе глиняные кубики. Цвѣтъ расписныхъ изразцовъ перетягиваетъ немного въ синеву и не имѣетъ обычнаго для Са-

марканда зеленоватаго оттѣнка остальныхъ цвѣтовъ. Весь низъ зданія, вышиной аршина въ два, облицованъ грубымъ мраморомъ (говорятъ, изъ Кара-Тюбинскихъ горъ), надъ которымъ терракоттовый бордюръ въ восточномъ вкусѣ и поверхъ его такая же надпись. Вокругъ мечети валается множество мраморныхъ колоннъ съ надписями,—вѣроятно, остатки прежней болѣе роскошной внутренности мечети. Вправо, сзади главнаго зданія, за оградой Биби-Ханымъ, отдѣльный круглый минаретъ, выложенный изразцами по кирпичу. Боковыя зданія кирпичныя, съ цвѣтными звѣздами; шейки куполовъ украшены обыкновенными цвѣтными надписями. Среди двора мраморная подставка для *Корана* громадныхъ размѣровъ; стѣнки ея украшены рельефнымъ украшеніемъ и круговою надписью. Сѣверная триумфальная арка мечети служила также и главнымъ портикомъ. Представляется онъ въ видѣ высокой мраморной двери, надпись надъ которой гласитъ о Тамерланѣ. Мраморъ гладкій, надписи терракоттовыя, арки изъ поливныхъ сталактитовъ. Внутренность арки, стѣны и бывшіе минареты (часть одного сохранилась) выложены изразцами по кирпичу, съ мозаичными поясками, надписями и колоннами, изъ которыхъ внѣшняя (сохранилась только верхняя часть правой) витая. Нижняя облицовка также мраморная въ нижнихъ частяхъ, съ терракоттовою надписью выше мрамора. Въ грустномъ состояніи эти развалины, но сохранить ихъ нѣтъ никакой возможности.

Решстанъ или торговая площадь, находясь въ самомъ центрѣ таджикскаго города, окруженъ съ трехъ сторонъ великолѣпнѣйшими мечетями или медресе: Тилли-кари въ глубинѣ, влѣво—Улугъ-бекъ, вправо—Ширъ-даръ. Площадь эта и до сихъ поръ служитъ форумомъ многоглагольной толпѣ азіатовъ, проводящихъ большую часть дня на воздухѣ, или въ торговыхъ операціяхъ, или въ пересудахъ, или въ чаепитіи, или въ сладкомъ снѣ и кейфѣ.

Медресе Улугъ-бека построено, какъ говорятъ, знаменитымъ внукомъ Тамерлана, оставившимъ память о себѣ на скалахъ Тамерлановыхъ воротъ въ долину Заревшана. Хотѣлъ ли Улугъ-бекъ въ своей мечети превзойти своего великаго дѣда—не знаемъ, но дѣло въ томъ, что преданіе сохранило намъ память объ особой роскоши этого зданія, прозваннаго поэтому «золотымъ». Медресе это сохранило дворъ и остатки надворныхъ построекъ; только купола зданій обвалились. Южная же мечеть зданія построена совершенно иначе, чѣмъ въ постройкахъ подобнаго рода, то-есть куполъ замѣненъ деревяннымъ потолкомъ, поддерживаемымъ такими же колоннами,—способъ, употребляемый весьма часто въ зданіяхъ, не имѣющихъ значенія постройки Улугъ-бека. Въ украшеніи самаго зданія находимъ [совершенно новые приемы, которые и постараемся перечислить. Нижняя облицовка всего внутренняго двора, вышиною аршина въ полтора или два, выведена изъ сѣраго грубаго мрамора, по которому высѣченъ вглубь неправильный восточный орнаментъ, состоящій изъ главной многогранной звѣзды, окруженной другими, болѣе мелкими, равно какъ и квадратами и треугольниками-

ми, раздѣленными между собой удлинненными поливными изразцами, образующими самыя разнообразныя сочетанія формъ и цвѣтовъ. Почти всѣ пилястры мечетей, арокъ, медресе и двора представляютъ мозаичный рисунокъ изъ звѣздъ и фигуръ (темносинія съ зелеными лепестками, съ голубыми треугольниками между ними), вставленныхъ въ массу обожженной глины, сохраняющей свой цвѣтъ и образующей, такимъ образомъ, весьма пріятный для глазъ теплый, мягкій розовато-желтоватый фонъ. Надписи и краеугольныя колонки главныхъ арокъ, а, можетъ быть, и малыхъ (отъ нихъ остались только указанія) изъ расписныхъ изразцовъ, причѣмъ синій фонъ играетъ главную роль, а разводы и травы подписаны почти вездѣ золотомъ. Капители этихъ колоннъ (сохранились нѣкоторыя большія и малыя) совершенно индійскаго типа, нѣчто вродѣ цвѣтка лотуса. Въ общемъ же въ украшеніе мечети вошло много зеленаго цвѣта, который до сихъ поръ замѣчался нами въ Самаркандѣ весьма мало. Главныя фасы въ сѣверной, восточной и западной постройкѣ выведены расписными изразцовыми звѣздами и трилиственниками, раздѣленными между собою простою терракоттой четырехугольной или треугольной формы; въ расписныхъ изразцахъ этихъ замѣтно также присутствіе золотыхъ разводовъ. Изразцы выходятъ изъ массы выпуклыми. Терракоттовая масса, входящая какъ фонъ въ составъ пилястръ, замѣнена во многихъ мѣстахъ сѣрымъ грубымъ мраморомъ, изъ котораго выведены тяги и у главной мечети. Надъ бывшею входною дверью (на площадь) сохранился орнаментъ изъ расписныхъ звѣздъ и трилиственниковъ, выложенныхъ выпукло въ терракоттовую массу, украшенную, съ своей стороны, мелкими пестрыми крапинами. Извнѣ, со стороны площади, мечеть эта представляется въ видѣ огромной триумфальной арки, съ хорошо сохранившимися фасадами боковыхъ стѣнъ и двумя минаретами, сохранившими вѣрхъ и имѣющими легкое правильное отклоненіе на обѣ стороны отъ мечети. Стѣны главной арки и минареты во всю свою вышину выложены по кирпичу синими, бѣлыми и голубыми изразцами. Меньшія арки и входная дверь представляютъ облицовку изъ сѣраго камня (en relief) съ мозаичными вставками, причѣмъ по каменнымъ частямъ пущена тонкая рельефная работа травами; пилястры между арками окаймлены также камнемъ, но представляютъ мозаичную работу, перемежанную съ гладкими низкими кубиками изъ терракотты. Конечная отдѣлка двери изъ сѣраго грубаго мрамора. Низы, вѣроятно, и здѣсь были, подобно Биби-Хавымъ, облицованы тѣмъ же мраморомъ, но сталактитовый бордюръ и надпись поверхъ его не терракоттовые, какъ тамъ, а также мраморныя. Поверхъ главнаго окна съ площади мозаичная надпись и такіе же сталактиты. Эта входная арка громадныхъ размѣровъ и совершенно гладкая со стороны площади; со стороны же двора она дѣлилась на многоэтажныя помѣщенія, камеры и ходы, слѣды которыхъ еще замѣтны. Вокругъ всей арки хорошо сохранившаяся изразцовая расписная колонна, витая изъ 4-хъ различныхъ жгутовъ, упирающихся на надпись, подъ которой сѣрый мраморный поясъ. Сохранился при мечети одинъ минаретъ,

покрытый такою же облицовкой, какъ и первые два, и съ такимъ же уклономъ, какъ и они.

Медрессе Тилли-кари сохранилось гораздо хуже вышеописаннаго; думается также, что отдѣлка его и облицовка никогда не отличались изяществомъ и художествомъ, которыми проникнуты всѣ детали мечети Улугъ-бека. Дворъ сохранился и здѣсь, сохранился также куполъ надъ западнымъ помещеніемъ и нижняя часть минаретовъ. Облицовка этихъ зданій состоитъ преимущественно изъ гладкой выкладки синихъ и голубыхъ изразцовъ по кирпичу съ нѣкоторыми деталями въ надписяхъ, аркахъ и вставкахъ мозаичной обкладки. Надъ главными арками находится новый мозаичный рисунокъ: травы и солнца ярко-желтыя, довольно грубаго дѣла и композиціи. Выходъ съ улицы образуется здѣсь полукружіемъ, окаймленнымъ арками, которыя продолжаютъ и вдоль вытянутаго фасада, соединяющаго мечеть съ минаретами. Минареты болѣе широкой формы и увѣнчаны простыми арками, напоминающими наши колокольни. Съ лѣвой стороны за главнымъ зданіемъ медрессе находимъ развалины съ могучимъ барабаномъ, шейка котораго покрыта надписью, выложенною изразцами обыкновеннаго бѣлаго, синяго и голубаго цвѣта по кирпичу: это—бывшая обсерваторія Улугъ-бека. Находясь въ глубинѣ площади, полукруглый входъ Тилли-кари производитъ хорошее впечатлѣніе и, несмотря на то, что всѣ описываемыя зданія пострадали, эффе́ктъ, производимый ими, не скоро забывается.

Медрессе Ширъ-даръ хотя и очень пострадало въ деталяхъ, но можетъ лучше другихъ дать понятіе о надворныхъ постройкахъ медрессе и общемъ его видѣ. Надворныя постройки, выходящія на дворъ крытыми галлереями, сохранили въ цѣлости свои два этажа, со стороны же базара и Тилли-кари Ширъ-даръ представляетъ такой внушительный квадратъ, съ такими неприступными, высокими, почти крѣпостными стѣнами, что невольно становится понятною вся сила ислама, его проповѣди и духовенства, скрывающагося за подобными твердынями, куда искони допускаются только избранныки. На четырехъ углахъ этой крѣпости высились 4 громадныя минарета; изъ нихъ сохранились въ цѣлости только выходящія на площадь, которые, подобно минаретамъ Улугъ-бекъ, не совершенно перпендикулярны, а имѣютъ наклонъ въ сторону отъ главнаго зданія. Ширъ-даръ сохранилъ въ большой неприкосновенности стѣну надъ входною аркой и два купола по обѣ стороны стѣны, вѣнчающіе боговыя помещенія съ могилами святыхъ. Могилы эти имѣютъ почти всѣ одну неизмѣнную форму: памятникъ, выложенный изъ камня или кирпича въ видѣ гроба; въ головѣхъ его нѣчто вродѣ божницы для свѣчей, вокругъ которыхъ обыкновенно появляются и приношенія въ видѣ роговъ и пр. Куполы эти волнообразны, какъ и надъ могилой Тамерлана; они теперь также облиняли, но были, вѣроятно, покрыты расписными изразцами голубаго цвѣта съ синими разводами. Переходъ къ шейкѣ и тутъ сталактитовый; вокругъ шейки надпись. Стѣны мечети, внѣшняго фасада, внутренняго двора, минаретовъ и внѣшнихъ стѣнъ квадрата облицованы также сплошною выкладкой по кирпичу,

синими и голубыми плитками. Часть арокъ, поясковъ, надписей и пилястръ, въ особенности въ мечети и внутреннемъ дворѣ, мозаичной работы, хотя работа эта здѣсь не представляетъ особыхъ тонкостей рисунка или колеровъ. Въ общемъ мечеть Ширъ-даръ весьма сходна работой и деталями съ Улугъ-бековой, въ особенности съ вѣшняго фасада, на которомъ видимъ и жгутообразную арку, и мраморную облицовку, и каменные, рѣзные надъ ней надписи. Каждая арка внутренняго двора, какъ нижняго, такъ и верхняго этажа, имѣетъ дверь, ведущую въ полутемную комнату, служащую помещеніемъ муллы, или софтъ, то - есть его учениковъ. Комнаты эти убраны коврами, подушками, сундуками и остальнымъ хозяйственнымъ скарбомъ; въ комнатѣ одинъ или два жильца, имѣющихъ для своего отдохновенія на воздухѣ балконъ, образуемый арками двора. Подобныя медресе полны жильцовъ; жильцы эти, находясь подъ руководствомъ имама, исполняютъ служеніе при мечетяхъ и обучаются закону Магомета. Осматривая памятники Самарканда и занимаясь въ нихъ по цѣлымъ часамъ, приходишь къ убѣжденію, что жизнь въ медресе устроилась и сложилась на основаніи всего склада восточныхъ понятій, жаркаго климата и ученія Магомета. Жизнь въ медресе совершенно созерцательная: все народонаселеніе ихъ сидитъ, прижавшись къ пилястрѣ балкона или прикурнувъ на коврѣ, — сидитъ цѣлые часы, не двинувшись, безъ выраженія въ лицѣ, безъ блеска глазъ, какъ будто безъ желаній и даже помысловъ. Есть между софтами люди и молодые, но и они, подобно остальнымъ и, вѣроятно, подражая имъ, имѣютъ тотъ же видъ, ту же тихую поступь, то же глубоко-мысленное выраженіе. Всѣ дворы мечетей мощены, во всѣхъ сохранились деревья, среди всякаго двора дырчатый камень, надъ которымъ производятся умовенія; необходимая вода хранится въ глиняныхъ кувшинахъ и возобновляется нѣсколько разъ въ день водоносами, разносящими воду на спинѣ въ кожаномъ бурдюкѣ. Такое медресе представляетъ цѣлую и весьма многочисленную общину, которая не можетъ не поддерживать фанатизма, не выпускать изъ своей среды людей, вполне готовыхъ къ созерцательной жизни и безотвѣтному служенію предписаніямъ Магомета.

Вокругъ Самарканда расположено также множество древнихъ мечетей, болѣе или менѣе хорошо сохранившихся. Изъ нихъ обратимъ особое вниманіе на мечеть Ходжи-Ахраръ, находящуюся въ 4-хъ или 5-ти верстахъ отъ Самарканда, по дорогѣ, обсаженной тополями и окаймленной садами, которые составляютъ продолженіе самого города. Мечеть эта, по преданію построена лѣтъ 400 тому назадъ нѣкимъ святымъ мужемъ Ходжа-Ахраръ, пришедшимъ изъ Ташкента и заслужившимъ своими поученіями и святою жизнью названіе святаго. Главная мечеть, занимаемая молящимися только зимою, сохранилась почти въ цѣлости, равно какъ и стѣны ея двора и сѣверный портикъ. Облицована мечеть, всѣ стѣны дворика и входный портикъ частью изразцами по кирпичу, частью цѣльными плитами, украшеніями, надписями и бордюрами мозаичной изразцовой работы, особою тонкостью которой отличается лицевой фасадъ мечети: здѣсь въ оконечностяхъ

травъ и цвѣтовъ наталкиваемся также, какъ въ Гуръ-Эмирѣ, на удивительно-мягкія сочетанія цвѣтовъ и красокъ. Арки вдоль стѣнныхъ укрѣпленій и дверей украшены узкою бордюрною мозаикой, зеленого цвѣта, съ золотистыми листьями; зеленый цвѣтъ появляется также въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ обыкновенно въ фасовыхъ стѣнахъ главнаго фасада. Того же зеленого цвѣта и шестигранные изразцы, которыми облицованъ низъ внутренности мечети; остальные стѣны штукатурныя. Главное зданіе осмигранное; верхній его поясъ, равно какъ и низкая шейка купольнаго барабана, обложены синими и голубыми изразцами по кирпичу, не образуя, однакожь, по шейкѣ той громадной и внушительной надписи, которая привлекаетъ невольно вниманіе посѣтителя въ остальныхъ мечетяхъ Самарканда.

Рядомъ съ описанною мечетью, въ саду, окруженною могильными памятниками, въ числѣ которыхъ находится и могила основателя мечети, — лѣтнее помѣщеніе для молящихся. Помѣщеніе это состоитъ изъ крытой галлерей, фасы которой облицованы изразцами одного и того же рисунка, какъ и главная мечеть. Галлерей покоится на деревянныхъ рѣзныхъ колонкахъ и имѣетъ такой же расписной потолокъ. Тутъ же прудъ съ развѣсистыми платанами, служащими для отдохновенія правовѣрныхъ. Могила святого представляетъ огромный квадратъ, окаймленный двухъаршинными плитами сѣраго мѣстнаго мрамора, и переполненъ сверху стоячими и лежащими надгробными плитами и камнями. Въ квадратѣ этомъ похороненъ какъ самъ Ходжи-Ахраръ, такъ и ближайшіе его послѣдователи. Передъ квадратомъ высятся обыкновенные знамена и бунчуки. По краямъ его уложены бараньи рога, смиренныя припошенія пастырей. Плиты надъ входною дверью покрыты мозаичною работою, по синему фону которой виднѣются желтыя травы. Вся мечеть и въ особенности дворикъ этотъ дышатъ спокойствіемъ и поэзіей и не могутъ не располагать къ молитвѣ и созерцанію всѣхъ красотъ и благъ земныхъ.

Мечети этой принадлежалъ, какъ говорятъ, *Коранъ*, писанный святою рукою Османа и привезенный учениками Ходжи-Ахрара изъ Мекки, въ видѣ подарка отъ мѣстнаго калифа. *Коранъ* этотъ писанъ на пергаментѣ очень древнимъ письмомъ и находится нынѣ въ петербургской Публичной библиотекѣ, куда продавъ муллами за сто рублей.

Одною изъ достопримѣчательностей Самарканда составляетъ Кокъ-ташъ, мраморный монолитъ огромныхъ размѣровъ, покрытый по бокамъ рельефнымъ арабскимъ орнаментомъ и находящійся въ одной изъ залъ бывшаго ханскаго дворца, включеннаго нынѣ въ предѣлы нашей крѣпости и составляющаго открытый дворъ, заставленный артиллерійскими снарядами, въ глубинѣ котораго, подъ древнимъ деревяннымъ навѣсомъ, за рѣшеткой и покоится Кокъ-ташъ, громадный остатокъ величія грозныхъ самаркандскихъ эмировъ. На Кокъ-ташѣ этомъ, обложенномъ бархатомъ и коврами, вѣнчались здѣшніе эмиры на царство и, поднятые на бѣлой кошмѣ, провозглашались повелителями вселенной. Нынѣшній бухарскій эмиръ первый не

могъ исполнить обычая предковъ, но, вѣруя въ силу и чудодѣйство Кокъ-таша, присылалъ бѣлую кошму, которую и возлагали на камень секретно отъ русскихъ властей.

Надъ Кокъ-ташемъ, въ стѣнѣ, вдѣланъ кусочекъ нефрита, покрытый лужическою надписью, который путешественники почему-то связываютъ воедино съ Кокъ-ташемъ. Кусочекъ этотъ оказывается простою могильною плитой, какъ тѣ, которыя находимъ въ Ташкентскомъ музеѣ; онъ, вѣроятно, по ошибкѣ попалъ во дворецъ эмира и вдѣланъ въ стѣну въ видѣ украшенія.

Рядомъ съ нашею крѣпостью, лѣвѣе, сохранились остатки самаркандской цитадели, разрушенной и заброшенной послѣ измѣннической осады въ ней нашего гарнизона самаркандскимъ населеніемъ.

Зданія, подобныя самаркандскимъ мечетямъ, то-есть съ подобною же изразцовою обкладкой, имѣются въ значительномъ числѣ въ Бухарѣ, въ древнемъ Анау, около Асхабата; въ Пиштекѣ, близъ ст. Каахка; въ Джанкентѣ, на 21-й верстѣ ниже форта по теченію Сыръ-Дарьи; въ Местеріанѣ, въ 36-ти верстахъ отъ развалинъ крѣпостцы Кильшикъ-Кала; въ Ошѣ (могила Сулеймана); въ Коканѣ (мечеть надъ могилой Мадали-хана); въ г. Туркестанѣ (мечеть Хазретъ-Тимуръ); въ покинутомъ г. Снуранѣ, близъ Туркестана; въ г. Ура-Тюбѣ (развалины мечети Кокъ-Гумбязъ и медресе Рустемъ-бека); въ Ширазъ-Хане (увеселительный дворецъ Тамерлана), причемъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти зданія, судя по сохранившимся на нихъ надписямъ, построены приблизительно въ одно и то же время, то-есть въ концѣ XIV или въ XV вѣкѣ.

Выѣхавши изъ Самарканда 29 сентября, въ 9 часовъ вечера, мы въ 7 часовъ утра были на станціи Бухара. Отсюда до столицы Бухарскаго царства 13 верстъ, которыя мы проѣхали въ экипажахъ, высланныхъ за нами нашимъ агентомъ и состоящихъ изъ четырехмѣстнаго ландо и двухъ такихъ же колясокъ, позаимствованныхъ у эмира, экипажей весьма плохихъ, заложенныхъ четверкой или тройкой цугомъ, съ верховымъ на каждой лошади. Всѣ эти экипажи—подарки нашихъ военныхъ губернаторовъ. Козлы имѣются при всѣхъ, но садиться на нихъ не принято послѣ первой пробы, сдѣланной эмиромъ, который, получивъ подарокъ, въѣхалъ въ свою столицу, сидя въ ландо, съ министромъ на козлахъ; народонаселеніе привѣтствовало министра, сидящаго выше, и не обратило никакого вниманія на эмира. Такое невниманіе разсердило его: онъ приказалъ остановиться и обмѣнялся мѣстомъ съ министромъ; но такъ какъ рядомъ съ лучеромъ оказалось, все-таки, сидѣть неудобно, то и появилось приказаніе болѣе никогда не занимать козелъ, а ѣздить цугомъ.

Дорога до столицы не шоссированая, но довольно сносная; пролегаетъ она по засѣянной мѣстности, между полями и огородами, но такъ какъ поля остались въ этомъ году безъ воды, то засуха и пыль страшныя.

Въѣзжаемъ въ городъ чрезъ хорошо сохранившіяся ворота, увѣчанные башнями и зубцами, посвяція названіе: Ковалинскихъ или Каршин-

скихъ воротъ. Весьма тѣсными улицами и населенными кварталами доѣзжаемъ до нашего агентства, гдѣ встрѣчаетъ и весьма обязательно принимаетъ насъ, за отсутствіемъ г. Лессара, его помощникъ, В. О. Клемъ и его супруга. Г. Клемъ—воспитанникъ Лазаревскаго института, молодой и образованный человекъ—весьма заинтересованъ краемъ, который старается изучить по неизданнымъ источникамъ.

При самомъ въѣздѣ въ городъ замѣчаемъ слѣды язычества въ тѣхъ же проявленіяхъ, какъ и на Кавказѣ: почти рядомъ съ городскими воротами, въ узкой улицѣ, къ старому развѣсистому дереву прилѣплена маленькая куполообразная божница, нѣчто вродѣ большаго фонаря, въ пролеты котораго вложены разныя приношенія,—воспоминаніе, оставленное заповѣдными рощами и поклоненіемъ священнымъ деревьямъ. Еще далѣе, въ оградѣ одной изъ новѣйшихъ мечетей, продѣлано углубленіе въ видѣ окошечка или камеры, въ которой снова находимъ рога и приношенія въ видѣ разныхъ мелочей, кусочковъ матерій и ленточекъ.

Лучшая и большая мечеть въ городѣ—Масджиби-джаме или соборная. Судя по фотографіи, она великолѣпна въ своихъ внутреннихъ подробностяхъ и своемъ роскошномъ дворѣ, но насъ въ нее не допустили, по мнѣнію иныхъ, изъ ненависти къ гяурамъ, по мнѣнію другихъ—потому, что мечети вообще открываются только по пятницамъ. Извѣстная въ странѣ рукопись Тарихи-Наршахи говоритъ, что постройка этой мечети начата нѣкимъ Кутайба въ 94 г. геджры (691 г.), первымъ завоевателемъ Бухары, что закладка состоялась на мѣстѣ древняго капища и что окончена мечеть при Саманидахъ, т.-е. первой мѣстной династіи послѣ появленія арабовъ. Главный внѣшній фасъ внѣшней триумфальной арки облицованъ изразцами, выложенными звѣзднымъ небомъ поверхъ всей арки. По шейкѣ барабана обыкновенная широкая надпись изъ выкладки по кирпичу бѣлыми, синими и голубыми изразцами.

Въ сторонѣ отъ мечети возвышается такъ называемый Катта-Минаръ, то-есть минареть огромнѣйшихъ размѣровъ и гораздо бѣльшаго діаметра, чѣмъ всѣ до сихъ поръ намъ извѣстныя. Служилъ онъ до послѣднихъ годовъ (1884 г.) мѣстомъ самыхъ варварскихъ казней: изъ верхнихъ пролетовъ выдвигалась надъ площадью доска, на нее клался преступникъ, зашитый въ мѣшокъ, доска наклонялась и преступникъ летѣлъ внизъ и разбивался о каменную мостовую. Минареть этотъ сложенъ изъ тонко обожженнаго кирпича, расположеннаго отдѣльными поясами (десять въ рядъ) самыхъ разнородныхъ рисунковъ, образуемыхъ единственно кирпичною кладкой; между ними надписи изъ того же матеріала; поверхъ всего поясокъ изъ расписныхъ изразцовъ, по голубому фону которыхъ бѣлою глазурью выведена надпись, которая на нашихъ глазахъ обваливается отдѣльными плитами, оставляя по себѣ гладкій поясъ. Въ нижней части минарета находимъ гладкое пространство, вѣроятно, мѣсто, занимаемое въ былое время подобною же изразцовой надписью. Существуетъ предположеніе, что вся поверхность минарета была выложена въ углубленіяхъ раз-

ноцвѣтными изразцами; трудно, однакожь, предположить возможность для изразцовъ облетѣть съ такою аккуратностью со всей поверхности, не оставляя нигдѣ ни одного изразца на память и не увлекая нигдѣ за собой въ паденіи кирпичной кладки, какъ то замѣчено нами при поврежденіяхъ верхней облицовки самаркандской мечети Биби-Ханымъ.

Напротивъ Масджиби-джамае расположено медресе Міръ-Арабъ, равное съ мечетью въ громадности своихъ размѣровъ. Переводчикъ агентства увѣрялъ, что медресе это построено тому назадъ 783 года однимъ изъ его предковъ. Датъ этой трудно повѣрить, ибо изразцовой облицовки зданія, доходящей до 1107 года, мы не знаемъ; скорѣе можно согласиться, что зданіе построено въ 783 г. геджры, то-есть въ 1380 г. нашей эры, что подошло бы къ эпохѣ, къ которой относятъ великолѣпныя мечети Самарканда. Зданіе медресе замѣтно поддерживается, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изразцовая облицовка его сильно пострадала. Триумфальная арка облицована изящными мозаичными изразцами; за аркой входъ въ два сводчатыхъ пролета изъ тонко-пережженныхъ кирпичей, кладкѣ которыхъ приданы разнообразныя рисунки; по сторонамъ входа небольшія мечети, сохранившія высокія шейки барабановъ и голубые изразцовые куполы; по шейкѣ выкладка по кирпичу, изображающая арки, окна и проч.; выкладка эта, какъ и вездѣ, произведена изразцами трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, голубаго и синяго. Дворъ медресе сохранился въ цѣлости, какъ и постройка, но облицовка его частью облетѣла; арки, арочки и пролеты надъ ними мозаичныя, но рисунокъ уже позднѣйшій мусульманскій (украшенія въ видѣ травъ и звѣздъ среди неправильныхъ разводковъ). Изъ четырехъ внутреннихъ полуарокъ три имѣютъ въ сводахъ сталактитовыя украшенія; изъ нихъ двѣ въ особенности интересны по деталямъ: въ терракотовую массу, образующую сталактиты, врѣзаны тонкія звѣзды и травы, выведенныя изразцовой мозаикой. Каменная оконная рама, освѣщающая мечеть изъ-подъ праваго входа, чудной тонкой работы—изразцовой мозаики по камню.

Медресе Абдула-хана (XVI ст.)—огромное зданіе, состоящее, подобно остальнымъ, изъ триумфальной арки, двухъ-этажнаго жилища зданія, составляющаго четырехугольникъ и украшеннаго какъ извнѣ, такъ и внутри двора болѣе мелкими арочками и двумя минаретами. Внешняя облицовка состоитъ изъ обыкновенной выкладки по кирпичу, надписи же и ободокъ вокругъ большой арки—изразцовые расписныя, причемъ синій цвѣтъ имѣетъ преимущество. Лѣвая полуарка во дворѣ дала сильный наклонъ и грозитъ паденіемъ. Своды надъ входомъ и въ этомъ зданіи сложены весьма тщательно изъ весьма тонкаго матеріала; ключи сводовъ и одинъ изъ нихъ во всей своей полнотѣ изукрашены мозаичною тонкою работой; между пазами кирпичей замѣтны кое-гдѣ тонкія изразцовыя плитки голубаго и синяго цвѣта; одна изъ стѣнъ входа представляетъ по кирпичной кладкѣ насѣчку въ видѣ тѣхъ голубыхъ звѣздъ, которыя замѣтны на одной изъ мечетей Шахъ-Зинде въ Самаркандѣ.

Напротивъ, черезъ улицу, медресе, построенное тѣмъ же ханомъ въ

честь матери и называемой потому Мадаре (матери)-медресе. Облицовка этого зданія болѣе простая и состоитъ изъ обыкновенной выкладки по кирпичу.

Медресе Абдуль-Азисъ-хана въ главныхъ своихъ деталяхъ расписное изразцовое, причемъ въ травахъ надъ главною триумфальною аркой примѣнено множество золота; стѣны по обѣимъ сторонамъ арки раздѣлены на дробницы, изукрашенныя вазами съ цвѣтами, фантастическими травами и фазанами—первое появленіе какого-либо изображенія на описываемыхъ зданіяхъ. Дворъ сильно пострадалъ въ своей облицовкѣ, хотя и сохранились расписныя пилястры.

Медресе, расположенное черезъ улицу, построено Улугъ-бекомъ, и хотя въ нѣкоторыхъ деталяхъ (витая арка изъ четырехъ разноцвѣтныхъ жгутовъ) и напоминаетъ мечеть того же хана въ Самаркандѣ, но представляетъ работу гораздо грубѣе и проще и значительно меньшее разнообразіе въ цвѣтахъ. Главный орнаментъ бухарскаго памятника состоитъ изъ выкладки по кирпичу трехцвѣтными изразцами.

Оригинальна также мечеть Хаджи-Байламъ, большое зданіе съ удлиненнымъ фасомъ, съ двумя рядами рѣзныхъ деревянныхъ колоннъ и съ рѣзнымъ раскрашеннымъ потолкомъ, составляющій открытый навѣсъ, подъ который правовѣрные собираются на молитву.

Кромѣ описанныхъ мечетей и медресе, обращающихъ на себя особое вниманіе своими размѣрами, архитектурой и орнаментировкой, въ городѣ сохранилось еще много мечетей и медресе съ болѣе незначительными остатками изразцовой облицовки, изъ чего видно, что и для Бухары лучшимъ временемъ были времена Тамерлана и его ближайшихъ наслѣдниковъ.

Многочисленность и громадность описанныхъ медресе доказываетъ, что Бухара и до сихъ поръ служитъ однимъ изъ главныхъ центровъ мусульманской пропаганды и обученія; въ городѣ, при стотысячномъ народонаселеніи, до 200 медресе, въ которыя стекаются и откуда впоследствии распространяются ученики и радѣтели вѣры въ киргизокія степи и другіе мусульманскіе центры.

Такимъ образомъ, Бухара и до сихъ поръ остается вѣрна ученію ислама, принесеннаго въ VIII в. въ край арабами, которые, судя по историческимъ свѣдѣніямъ, обратили особое вниманіе на Бухару, гдѣ они смѣшивались съ народонаселеніемъ и такимъ образомъ находили себѣ вѣрныхъ учениковъ и послѣдователей.

Надъ самою модною частью города расположена на холмѣ крѣпость, окруженная высокою насыпною стѣной; въ чертѣ ея дворецъ эмира. Въ крѣпость ведутъ ворота огромныхъ размѣровъ съ двумя башнями, порогъ которыхъ никто не имѣетъ права перешагнуть. У ногъ цитадели артиллерійскій паркъ и пороховой погребъ. Дежурный офицеръ дозволилъ намъ осмотрѣть орудія, изъ которыхъ три украшены оригинальными изображеніями драконовъ и львовъ. Коканскія пушки, когда-то отбитыя бухарцами, изукрашены также фантастическими головами животныхъ съ рогами и длинными ушами.

Впечатлѣніе, произведенное городомъ, гораздо типичнѣе и цѣльнѣе, чѣмъ, на примѣръ, то, которое получается при изученіи Самарканда и даже Ташкента; намъ кажется, что кто не видалъ Бухары, тотъ не можетъ составить себѣ яснаго понятія о средне-азиатскомъ городѣ. Въ немъ все носитъ особый отпечатокъ: узкія улицы, несмѣтное количество еще болѣе узкихъ переулковъ, водоемы или пруды съ нависшими надъ ними огромнѣйшими, развѣсистыми деревьями, глиняные дома съ маленькими, низенькими выходами на улицу, высокіе глиняные тротуары вдоль этихъ домовъ, деревья, нависшія надъ улицей, чистенькія мечети съ широкими навѣсами и сквозными рѣшетками на улицу, арки съ тяжелыми каменными мостами подъ нависшими деревьями, пестрыя лавочки съ разнымъ скарбомъ подъ рогожными навѣсами, пескончаемые крытые ряды и караванъ-сарай, базарныя площади и надъ всѣмъ этимъ стотысячная праздная толпа, бронзовая, какъ въ Египтѣ, то молчаливая съ восточнымъ подобострастіемъ, то шумная и крикливая, какъ возможно также только на Востокѣ...

Мы возвратились на станцію поздно вечеромъ и, покидая Бухару, должны были снова проѣхать по тѣмъ же улицамъ и крытому базару, которые видѣли днемъ; теперь царилъ здѣсь полнѣйшая тишина и безлюдье: кое-гдѣ только полудремающій сторожъ, человѣческая фигура, спящая на тротуарѣ или подъ навѣсомъ, лай собакъ, да кое-гдѣ лампочки, дымящіяся по угламъ крытыхъ рядовъ и караванъ-сараявъ.

По городу ѣздили мы и ходили въ сопровожденіи переводчика изъ агентства и двухъ козаковъ, но это дѣлалось, кажется, болѣе изъ почета, чѣмъ изъ предосторожности, ибо народъ, даже въ самыхъ людныхъ центрахъ, относился къ намъ хотя и съ огромнымъ любопытствомъ, но вполне дружелюбно и даже ласково.

Г. Клемъ подтверждаетъ рассказы о древнемъ заваленномъ городѣ Ходжи-Обонъ, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бухары и на развалинахъ котораго находятъ вещи послѣ сильнаго вѣтра или дождя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на другой пунктъ до-мусульманскаго періода, представляющій интересъ для изслѣдованія—городъ Пейкентъ, въ 30 верстахъ между Бухарой и Каракулемъ или въ 10 верстахъ отъ станціи Якутъ.

Изъ Бухары до Байрамъ-Али мы проѣхали съ товаро-пассажирскимъ поѣздомъ и, немного опоздавъ, прибыли въ Байрамъ-Али въ 10 часовъ вечера. На вокзалѣ встрѣтилъ насъ К. А. Завиша, временно управляющій Царскимъ Мургабскимъ имѣніемъ; въ его экипажъ доѣхали мы до имѣнія, гдѣ въ недавно отстроенномъ флигелѣ провели ночь.

Усадьба Царскаго имѣнія расположена въ полтораверстѣ отъ станціи, среди безграничной равнины, составляющей Мервскій оазисъ, или древній Моора, питаемый водами р. Мургабъ. Окрестности имѣнія представляютъ сплошную массу развалинъ въ видѣ валовъ, стѣнъ, башенъ, мечетей, домовъ, холодильниковъ, гробницъ и цѣлый огромный некрополь, свидѣтельствующій о многочисленности въ оазисѣ древняго населенія, мо-

жетъ быть, о его разноплеменности и о тѣхъ набѣгахъ и разграбленіяхъ, которымъ подвергались самыя крѣпкія твердыни среди песковъ и степей этого края.

Ближайшія развалины отъ усадьбы — крѣпость Байрамъ-Али-ханъ, крѣпость персидская, взятая и уничтоженная 100 лѣтъ тому назадъ бухарцами, причѣмъ жители были уведены въ плѣнъ въ Самаркандъ и Бухару, гдѣ и составили персидскую часть населенія, потомки котораго живутъ тамъ и до сихъ поръ. Исторія передаетъ намъ, что крѣпость пала послѣ отчаянной обороны, что бухарцы, потерявъ надежду взять ее штурмомъ, отвели водяную канаву, чтобы заставить народонаселеніе сдаться вслѣдствіе жажды, но канава оказалась двойною и нижніе резервуары, продолжая питать крѣпость, лишили бухарцевъ и этой надежды покорить Байрамъ-Али. Тогда они бросились на Мургабскую плотину Султанъ-бентъ и, взявъ крѣпостцы, ее защищающія, уничтожили плотину, лишили крѣпость окончательно воды и тѣмъ самымъ разорили надолго правый берегъ Мургаба.

Несмотря на то, что стѣны и башни Байрамъ-Али сложены изъ сырца, онѣ указываютъ на значительное знакомство съ строительнымъ и военнымъ искусствомъ и представляютъ двухъярусныя постройки со всѣми дополненіями и подробностями для защиты отъ непріятеля верхнимъ огнемъ, тайными подходами, галлереями и кашетами. Крѣпость или городъ этотъ весьма обширенъ и приходится сожалѣть, что дворцовое вѣдомство, позволяя мѣстной конторѣ пользоваться строительнымъ матеріаломъ и щебнемъ изъ города, не требуетъ, чтобы оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣрило, нарисовало, изучило и описало развалины, что не представило бы мѣстному управленію особыхъ затрудненій, такъ какъ К. А. Завиша и его братъ, находящійся также на службѣ Мургабскаго имѣнія, военные инженеры и могли бы съ пользою для науки заняться подобнымъ дѣломъ.

Стѣны крѣпости облегаютъ ее со всѣхъ сторонъ и, имѣя двое укрѣпленныхъ воротъ, сообщаются одними изъ нихъ или, скорѣе, плотно прилегаютъ къ другому большому городу, также четырехугольному, прозываемому здѣсь крѣпостью Абдула-хана.

Городъ этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ собственно городомъ защищаемаго укрѣпленнымъ мѣстомъ или форпостомъ Байрамъ-Али. Предположеніе это подтверждается, намъ кажется, уже тѣмъ, что за стѣнами втораго, описываемаго города располагается огромный некрополь, съ тысячами и тысячами могилъ, погребальныхъ камеръ и надгробныхъ памятниковъ.

Этотъ второй городъ построенъ изъ болѣе крѣпкаго матеріала, т.-е. изъ обожженнаго кирпича четырехугольной формы, плотной хорошей массы, но сложеннаго на глинѣ. Здѣсь мы находимъ множество жилыхъ помѣщеній: ханскій дворецъ, башни, пороховой погребъ, бани, дома, подвалы, медресе, цистерны и цѣлую цѣпь подземныхъ галлерей или водопроводовъ. Зданія эти мало-по-малу разрушаются и на основаніи того, что мно-

гія изъ подвальныхъ помѣщеній весьма глубоко расчищены, мы сильно подозреваемъ дворцовое вѣдомство въ ихъ систематическомъ разрушеніи, для употребленія въ дѣло кирпича, изъ котораго они сложены. Многія изъ упомянутыхъ зданій построены въ нѣсколько ярусовъ, причемъ во многихъ мѣстахъ своды замѣнены деревянными балками, какъ говорятъ, изъ тутоваго дерева. Среди развалинъ этихъ находятъ множество черепковъ тонкой фарфоровой посуды, весьма изящной, покрытой глянцевитою расписною поливой.

Лучше другихъ сохранилась мечеть съ могучимъ куполомъ, стрѣльчатую высокою передовою аркой, со слѣдами надворныхъ построекъ и бассейна, но, къ несчастью, и мечеть подбита въ основаніяхъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени рухнетъ, какъ рухнули медресе, часть ханскаго дворца, бани и проч.

Особое вниманіе путешественника привлекаютъ огромныя куполообразныя постройки, разсѣянныя въ значительномъ числѣ на всемъ протяженіи описываемыхъ древнихъ городовъ. Многія изъ этихъ построекъ лишились верхней своей части и представляются въ видѣ срѣзаннаго конуса, другія же, лучшей сохранности, совершенно пирамидальны, съ нижними входами и тремя окнами или дверьми, расположенными въ разныхъ ярусахъ, одна надъ другой. Постройки эти интересовали многихъ и довольно долго ихъ принимали за храмы огнепоклонниковъ, но г. Завиша, бывшій въ Персіи, увѣряетъ, что онѣ назначались просто для храненія льда, который наваливался сверху, утапывался и могъ добываться или расходоваться какъ при посредствѣ нижняго пролета, такъ и верхнихъ дверей. Подобныя постройки въ Персіи, по увѣренію г. Завиша, въ общемъ употребленіи и до сихъ поръ и считаются общественными ледниками, столь благодѣтельными и необходимыми въ жаркой мѣстности, весьма часто небогатой водой.

Выѣзжая изъ города Абдулла-хана, вступаемъ, какъ сказали выше, въ могильный городъ. Предѣлы или границы этого города никогда не были изслѣдованы и потому опредѣлить ихъ болѣе точно пока нѣтъ никакой возможности. Могильныя помѣщенія весьма разнообразны: вы замѣчаете подземныя колумбаріи, сводчатыя постройки, подземныя камеры разныхъ формъ и размѣровъ и могилы, вѣроятно, позднѣйшаго мусульманскаго происхожденія, въ видѣ незначительныхъ ящиковъ, выложенныхъ по верху обожженнымъ кирпичомъ въ елку. Среди этого некрополя только одна болѣе другихъ выдающаяся по своимъ формамъ постройка, которая, вѣроятно, была призвана служить центромъ мусульманскаго кладбища, когда мѣстность эта подпала владѣнію поклонниковъ Магомета; постройка эта сильно пострадала отъ времени и, несмотря на то, что и до сихъ поръ служитъ мѣстомъ поклоненія для правовѣрныхъ, находится въ очень грустномъ положеніи. Двѣ низенькія камеры, расположенныя одна противъ другой, сложенныя изъ кирпича и стоящія нынѣ безъ сводовъ, дверей и оконъ, составляютъ родъ ограды вокругъ удлиненныхъ мраморныхъ памятниковъ, сѣраго цвѣта, изящной удлиненной формы, покрытыхъ въ верхнихъ своихъ

частяхъ пояскомъ во вкусѣ алхамбры и жуфической надписью. Говорятъ, что надписи эти сняты профессоромъ Жуковскимъ. Подъ памятниками этими покоятся, по народному преданію, ишаны или святые отцы, близкіе родственники Магомета, пришедшіе въ этотъ край проповѣдовать ученіе пророка. Одна изъ камеръ выложена по внѣшней стѣнѣ голубыми изразцовыми кубиками, образующими четырехугольникъ по свѣтлому фону кирпичей. Сзади памятниковъ возвышаются триумфальныя арки, входящія, какъ обыкновенно въ мечетяхъ и медресе, въ составъ передней стѣны трехъ-арочнаго зданія, увѣнчаннаго двумя куполами и предназначеннаго какъ для отдохновенія, такъ и для молитвы и поученія правовѣрныхъ. Своды и стѣны арокъ этого зданія украшены, подобно мечетямъ Самарканда и Бухары, разноцвѣтными изразцовыми, удлиненными плитками, выложенными по кирпичу; комбинація выкладки почти та же, что и въ упомянутыхъ мечетяхъ; цвѣта изразцовыхъ плитокъ также бѣлаго, голубаго и синяго цвѣтовъ, но къ цвѣтамъ этимъ примѣшивается здѣсь красный цвѣтъ, сохранившійся хуже остальныхъ. Описываемая постройка составляла, по всему вѣроятію, нѣчто цѣльное съ могилами ишановъ и окружала ихъ цѣлымъ рядомъ камеръ и галлерей, которыя должны были облегчить правовѣрнымъ доступъ къ мѣсту поклоненія и ихъ пребываніе около священнаго мѣста; подтвержденіемъ этого предположенія служитъ сохранившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилъ и въ одной чертѣ съ описываемыми зданіями глубокой куполообразный водоемъ, сложенный изъ кирпича на крѣпкомъ цементѣ, подобный тѣмъ, которые такъ часто встрѣчаются въ нашихъ южно-русскихъ, нынѣ заброшенныхъ греческихъ колоніяхъ. Водоемъ этотъ, равно какъ и всѣ караванъ-сарай, мѣста отдохновенія около фонтановъ, колодцы въ степи и только что описанныя развалины общественныхъ ледниковъ или холодильниковъ служатъ доказательствомъ того попеченія, съ которымъ относятся восточные народы къ благосостоянію и спокойствію отдѣльныхъ личностей, хотя въ другихъ отношеніяхъ жизнь тѣхъ же личностей была въ тѣхъ же странахъ такъ мало обезпечена.

Покидая некрополь, ѣдемъ нѣкоторое время пустыремъ со слѣдами развалинъ, со множествомъ мелко битаго кирпича. Кругомъ такъ пустынно и тихо, какъ въ могилѣ, — ни птица не пролетитъ, ни прожужжитъ насѣкомое; растительности также никакой, только мелкая колючка привлекаетъ наши взоры разноцвѣтностью своихъ листьевъ и цвѣтовъ. Но вотъ справа какія-то очертанія стѣнъ, и дорога подъ вами издаетъ какой-то глухой шумъ, какъ будто вы ѣдете по сводамъ и подземнымъ постройкамъ. На поверхности земли не осталось ничего, только въ былое время, при первомъ занятіи края русскими, солдаты и козаки наши, расположившись здѣсь на стоянку, откапывали, какъ рассказываютъ очевидцы, массу древнихъ монетъ. Это городъ, приписываемый Александру Македонскому, Искандеръ или Султанъ-кала, среди котораго одиноко возвышается громадное и величественное по размѣрамъ и формамъ зданіе надъ могилой султана Санджара. Г. Завиша увѣряетъ, что профессоръ Жуковскій, посѣтившій мѣстность въ

этомъ году, отодвигалъ постройку этого памятника за 800 лѣтъ, а генералъ Комаровъ за 1,000. Не слишкомъ ли рискованно такое опредѣленіе? Детали и лѣпная работа, украшающія зданія, врядъ ли позволятъ намъ подобное заключеніе. Зданіе представляется въ видѣ могучаго куба, на которомъ установленъ не менѣе громаднѣе размѣровъ круглый барабанъ, прикрытый довольно плоскимъ куполомъ; вокругъ барабана видны слѣды какихъ-то мелкихъ помѣщеній, ходовъ или галлерей, которыя, съ своей стороны, основывались и соединялись съ болѣе значительною галлереей, высокія, тонкія и изящныя колонны и своды которой сохранились частью вокругъ всего зданія и въ большомъ количествѣ по правую его сторону. Все зданіе сложено изъ тонко обожженныхъ квадратныхъ плитъ большаго размѣра противъ обыкновеннаго на известковомъ растворѣ, который въ нижнихъ частяхъ зданія замѣненъ цементною массой, столь крѣпкою, что отъ нея трудно отдѣлать малѣйшую частицу, и съ большою примѣсью древеснаго угля (г. Завиша приписываетъ крѣпость этой массы тому, что въ составъ ее вошли, вмѣсто песка, въ этой мѣстности весьма мало пригоднаго для построекъ, измельченные шлаки). Куполъ зданія покоится на спарочныхъ сводахъ, исходящихъ одинъ изъ другаго и поддерживающихъ сводъ, подѣленный на нѣсколько частей перевитыми аретами, не выведенныхъ самостоятельно, какъ въ готическихъ сводахъ, но сложенныхъ отъ руки при самой кладкѣ. Ключъ свода является нынѣ въ видѣ правильнаго круглаго отверстія; существуетъ преданіе, что отверстие это еще весьма недавно закрывалось какимъ-то архитектурнымъ украшеніемъ въ видѣ правильнаго квадрата, въ которомъ народная молва видѣла ларецъ, служившій помѣщеніемъ драгоценностей, замуравленныхъ при постройкѣ зданія супругой султана, построившей этотъ памятникъ надъ трупомъ мужа.

Сама могила, вѣроятно, позднѣйшаго издѣлія, расположена среди зданія и представляетъ четырехугольный ящикъ огромныхъ размѣровъ, выложенный изъ кирпича. Надъ окнами въ стѣнахъ замѣтны слѣды деревянныхъ балокъ, говорятъ, также изъ тутоваго дерева. Въ нижней части зданія карнизъ и два ряда правильно расположенныхъ гнѣздъ, вѣроятно, слѣды балокъ, поддерживающихъ въ былое время полъ и образующихъ, такимъ образомъ, помѣщеніе для склепа, въ которомъ покоилось тѣло султана. Амбразуры арокъ по всей окружности зданія и его галлереймъ украшены тончайшею лѣпною работою изъ глины, разнообразность рисунка которыхъ и тонкость отдѣлки заставляютъ насъ нѣсколько разъ задуматься надъ величіемъ зданія въ лучшіе его годы. Такая же лѣпная работа украшала, вѣроятно, и главныя части внутреннихъ стѣнъ зданія, но отъ этого величія остались только несчастные слѣды надписи, которая, вѣроятно, составляла поясокъ всей кубической нижней части зданія и теперь сохранилась только въ лѣвой его нишѣ. Лѣпныя терракотовыя украшенія сохранились также и на внѣшнихъ пилястрахъ первой верхней галлерей; украшенія эти выведены изъ весьма твердаго матеріала и очень изящны въ своихъ формахъ и очертаніяхъ, такъ что невольно приходится вспоми-

нать о фигурной выкладкѣ Катта-Минаръ въ Бухарѣ и рѣшить, что онъ съ основанія могъ не имѣть никакихъ другихъ изразцовыхъ украшеній, кромѣ голубой надписи наверху и такой же обвалившейся поверхъ втораго пояса отъ основанія. Внутренность зданія теперь оштукатурена и расписана по штукатуркѣ, но работа эта произведена такъ грубо и неумѣло, что она должна быть приписана позднѣйшимъ реставраторамъ. Вокругъ зданія находится много черепковъ поливныхъ изразцовъ, и такъ какъ входная дверь зданія не имѣетъ теперь ни фронтона, ни пилластръ, ни какой-либо другой облицовки, достойной величія всей постройки, то за нами остается право предположить, что дверь эта могла имѣть въ свое время изразцовую обкладку. Зданіе сильно засыпано съ внѣшней стороны и, представляясь намъ въ этомъ видѣ, лишено цоколя и потому не производитъ того впечатлѣнія, котораго слѣдовало бы отъ него ожидать, если бы оно было очищено отъ окружающей его земли, которой накопилось болѣе сажени, какъ это подтвердила раскопка, произведенная съ сѣверной стороны зданія. Къ несчастію, и эта громада подбита въ нижнихъ своихъ частяхъ и даже сверху въ пятахъ сводовъ; куполь также лишенъ верхней своей облицовки; зданіе, при всемъ этомъ, не могло не дать трещинъ и то, что пощадили азіатскіе варвары и самое время, постепенно и неустанно уничтожается нами, русскими, носителями культуры и просвѣщенія въ этихъ далекихъ варварскихъ странахъ.

За глинобитными стѣнами города Искандеръ-кала попадаемъ на три зданія, расположенныя — два почти рядомъ, а одно въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Зданія эти, сложенныя изъ сырца, значительныхъ размѣровъ и имѣютъ форму удлиненнаго четырехугольника, углы ихъ закруглены, а стѣны представляютъ по всей своей поверхности, отъ верха до цоколя (который значителенъ), правильную волнообразную гофрировку, что придаетъ зданію весьма оригинальную форму. Внутри его, даже въ цокольномъ этажѣ, имѣлись своды, которые частью (въ нижнихъ частяхъ) сохранились, частью обрушились и загроздили своими развалинами внутренность зданія. Къ чему могли служить подобныя громады, трудно рѣшить; но если строителями этихъ городовъ были арабы или подобные имъ культурные народы, то въ нихъ помѣщались, вѣроятно, библіотеки, училища или какія-либо другія общественныя учрежденія. На западъ отъ Искандеръ-кала, почти съ нимъ рядомъ, возвышается другое сильное городище, прозванное Гяуръ-кала и носящее характеръ совершенно иной, чѣмъ разсматриваемые нами до сихъ поръ города. Городище это со всѣхъ сторонъ обведено насыпными валами, въ противоположность первыхъ осмотровыхъ городовъ, окруженныхъ правильно-архитектурными стѣнами: внутри его сохранилось множество земляныхъ возвышеній, самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ; въ сѣверо-западномъ же углу находимъ удлиненную насыпь, окруженную рвомъ, командующимъ всею позиціей и образующимъ могучее кольцо вокругъ внутренняго круглаго городища, на-

ходящагося въ самомъ центрѣ и окруженнаго со всѣхъ сторонъ искусственными рвами. Это, вѣроятно, цитадель городища съ послѣднимъ опорнымъ его пунктомъ или редьютомъ, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи хотятъ видѣть помѣщеніе для главнаго святилища города. Внутренняя цитадель эта видна только тогда, когда взберешься на первый валъ крѣпости. Здѣсь, то-есть во внутренней цитадели, были произведены раскопки профессоромъ Жуковскимъ, но проведенная имъ траншея, равно какъ и траншея генерала Комарова на самой вышкѣ кольцеобразнаго вала цитадели, не довольно глубоки, чтобы разрѣшить всѣ тѣ вопросы, которые невольно рождаются при осмотрѣ подобной мѣстности. Вышка, о которой я упомянула, составляетъ самое возвышенное мѣсто цитадели, такъ называемое Эрке-тепе и состоитъ изъ развалинъ зданія, сложеннаго изъ сырцовыхъ плитъ, имѣющихъ въ квадратѣ 12 вершковъ. Обходя валы крѣпости и вообще всего городища, находимъ массу глиняныхъ черепковъ отъ посуды краснаго и чернаго цвѣта, хорошей тонкой массы, хорошо формированной и обожженной, но иного типа, чѣмъ посуда, имѣющаяся въ первыхъ городахъ, и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ тамъ. Вмѣстѣ съ черепками находимъ нѣсколько экземпляровъ глиняныхъ шаровъ или ядеръ, которые могли служить для метанья изъ праща или иного оружія.

Описывая развалины Байрамъ-Али, Абдулла-хана, Искандеръ и Гяуръ-кала, мы не имѣемъ претензіи описать всѣ тѣ развалины, которыя окружаютъ Мургабское имѣніе; развалины эти окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, на нѣсколько десятковъ верстъ тянутся по мѣстностямъ, заселеннымъ частью и теперь, идутъ вдоль оросительныхъ канавъ, частью теперь заброшенныхъ, и вообще занимаютъ такое пространство, которое не только трудно изучить, но даже и объѣздить въ болѣе или менѣе короткое время. Развалины эти занимаютъ, главнымъ образомъ, пространство между древними арыками Юсупъ-ханъ-явъ и Хейлевадъ-явъ, за предѣлами котораго, считая праблизительно отъ искусственнаго холма Курванъ-тепе до канала Мыджеуръ-явъ (проходящаго у подошвы Гяуръ-кала), встрѣчается также цѣлая цѣпь развалинъ; съ сѣвера развалины эти какъ бы замыкаютъ огромный валъ Гилякымъ-чильбуртъ, который, пройдя значительное пространство, теряется въ пескахъ. Болѣе на востокъ, въ особенности вдоль ближайшаго древняго оросительнаго канала Шаимъ-явъ, на которомъ находятся развалины и цѣлый городъ—Шаимъ-кала, тянется цѣпь высокихъ и большихъ кургановъ, которые съ востока же отцѣпляются въ довольно близкомъ разстояніи Гяуръ-кала. Выше за валомъ Гилякымъ-чильбуртъ и къ западу развалины становятся рѣже и, не представляя болѣе въ этой мѣстности сплошныхъ построекъ, являются, однако же, довольно часто въ видѣ развалинъ башенъ, меньшихъ городищъ, крѣпостей и проч. Во всю ширину развалинъ пересѣкаетъ ихъ караванная дорога на Бухару, Геокъ-тепе и далѣе. Все видѣнное и сказанное нами подтверждаетъ еще разъ извѣстіе о древности заселенія описываемой мѣстности

и о томъ плодородіи, которымъ оно пользовалось до разрушенія Султанъ-бентской плотины; мѣстность эта въ тѣ времена, по сказаніямъ стариковъ, была не только плодородной, но славилась шелкомъ, который производили и вывозили въ большомъ количествѣ; всѣ арыки того времени были обсажены тузовыми деревьями, корни которыхъ и понынѣ нерѣдко попадаются при раскопкахъ и земледѣльческихъ работахъ.

На основаніи этихъ-то извѣстій о древнемъ плодородіи описываемой мѣстности и предприняты нынѣ работы въ Мургабскомъ имѣніи Его Величества по устройству Султанбентской плотины, о которой такъ много писали и говорили, что считаемъ болѣе умѣстнымъ о ней умолчать.

Изъ разговоровъ и сообщеній, дѣлаемыхъ мѣстными жителями, оказывается, что по верховьямъ Мургаба есть нѣсколько пунктовъ, интересныхъ для изслѣдованія; такъ, на примѣръ:

Въ 60 верстахъ отъ Новой Мерви, не доѣзжая до Султанъ-бента, мѣстность Іолатанъ, гдѣ А. В. Комаровъ и Алихановъ производили раскопку кургановъ. По рассказамъ послѣдняго, они находили въ верхнихъ слояхъ погребенія мусульманскія, ниже, на глубинѣ двухъ сажень, могилы, которымъ онъ затрудняется приписать время или народность; еще глубже находили обыкновенно погребенія въ кувшинахъ со всѣми признаками сожженія.

Имамъ-баба—120 верстъ отъ Мерви, съ огромнымъ караванъ-сараемъ и могильникомъ, гдѣ также находились погребенія въ кувшинахъ.

Тахта-базаръ—300 верстъ отъ Мерви, съ пещерами, въ которыхъ находятъ остатки христіанства.

Покончивъ съ осмотромъ древнихъ городовъ, окружающихъ Мургабское имѣніе, мы приказали прицѣпить вагонъ, данный намъ въ распоряженіе, къ пассажирскому поѣзду и доѣхали до слѣдующей станціи или уѣзднаго города Мервь; здѣсь снова отцѣпились, переночевали въ вагонѣ, а на слѣдующій день занялись поѣздками по самому городу и его окрестностямъ.

Городъ Мервь возникъ съ присоединенія края, то - есть семь лѣтъ тому назадъ. Лежитъ онъ на лѣвомъ берегу Мургаба и окруженъ киш-лаками туркменовъ, поселившихся здѣсь лѣтъ 30 тому назадъ и соврѣмени присоединенія края сдѣлавшихся совершенно осѣдлыми, хотя и не всегда хорошими хозяевами. Поселившись на лѣвомъ берегу рѣки, туркмены должны были подумать объ орошеніи своихъ полей и, не имѣя возможности и умѣнья возобновить гигантскую работу Султанъбентской плотины, повели, все-таки, свои арыки настолько удовлетворительно, что заняли мѣстность, удовлетворяющую своими полями и пастбищами полтора-тысячное населеніе.

Туркмены, эти недавніе хищники, оказываются народомъ спокойнымъ, тихимъ и расположеннымъ къ осѣдлости. Говорятъ, что туркмены, прежде всего, лѣнны, но намъ кажется, что лѣнь эту нужно приписать неумѣнью ихъ работать, общему восточному характеру и ихъ изумительной беспеч-

ности. Туркмены—народъ статный и складный; онъ не такъ раболѣпентъ, какъ таджикъ, и не такъ хитеръ и увертливъ, какъ узбекъ, но смотритъ на васъ просто, откровенно и ласково. Типъ его: бронзовый цвѣтъ, черные, блестящіе глаза, очень бѣлые зубы, черные, какъ смоль, волосы, усы и борода. Туркмены—хорошіе, ловкіе наѣздники и охотники до лошадей; скакуны ихъ большею частью сѣрые или бѣлые, весьма рослые, крѣпкіе, съ рѣдкою гривой, поднятымъ хвостомъ, свѣтлымъ глазомъ, быстрые и неутомимые; очень вѣроятно, что въ туркменской лошади много благородной арабской крови.

Новая Мервь—небольшой городъ и состоитъ изъ крѣпости (на правомъ берегу Мургаба), среди которой живетъ уѣздный начальникъ и располагаются остальные каменные зданія города, построеннаго правильными улицами, обсаженными деревьями и занятыми большею частью туземными лавками, въ которыхъ, кромѣ разной живности, торгуютъ коврами и каменною пѣзною посудой.

Кромѣ города, мы осмотрѣли по Серахской дорогѣ кишлаки туркменовъ Сара-Бестуръ-хана и Кара-Ахметъ, поселеніе колѣна Чепекъ. Въ первомъ кишлакѣ принималъ насъ самъ ханъ, ввелъ къ своимъ женамъ и съ удовольствіемъ отвѣчалъ на всѣ наши разспросы. Во второмъ, гораздо большемъ по числу населенія, насъ принялъ престарѣлый отецъ мѣстнаго старшины, хана Амана. Кишлаки эти, какъ и всѣ остальные, состоятъ изъ кибитокъ, въ которыхъ помѣщается одно семейство или нѣсколько со всѣмъ своимъ хозяйственнымъ скарбомъ: сундуками, войлоками, коврами, подушками и пр., и пр.; верхъ и дверь отворяются для притока воздуха и пропуска дыма отъ огня, разводимаго среди кибитки. Изъ посѣщенныхъ нами кибитокъ многія оказались весьма чистыми и безупречно хорошо убранными, но вокругъ жилья царствуютъ полнѣйшая неурядица и нечистота; здѣсь ютится скотъ подъ легкими навѣсами, тутъ же онъ и кормится, сюда же выбрасываются всѣ нечистоты, и такъ какъ кругомъ кибитокъ нѣтъ ни двора, ни зелени, ни посадокъ, подобный поселокъ выглядываетъ несимпатичнымъ и весьма первобытнымъ. Мѣстныя женщины, ханскія жены, какъ и остальные, заняты тисненіемъ ковровъ; работы эти производятся на открытомъ воздухѣ, на станкахъ, положенныхъ на земь, такъ что работницы селятъ полжавши ноги. Туркменки носятъ шальвары, длинную, весьма широкую рубашку изъ темной домашней серпянки, которая покрываетъ ихъ отъ шеи до пола; голова покрывается платкомъ, одинъ уголокъ котораго подводятъ въ головную шапочку, остальные же развѣваются по шеѣ и плечамъ, давая женщинѣ возможность прикрываться ими въ случаѣ надобности. Шапочка или ермолка украшена на вершинѣ серебрянымъ украшеніемъ въ видѣ вазочки, а по всей своей окружности монетами; спледи на нихъ нашивается серебряная широкая бляха, украшенная насѣлкой, ажурнымъ бортомъ и камнями въ серебряной оправѣ, причемъ всѣ видѣнные нами камни красные, вѣроятно, коралль.

Поздно вечеромъ, покончивъ съ осмотромъ Мерви и ея окрестностей, мы снова прицѣпились къ почтовому поѣзду и черезъ день утромъ были въ Узунъ-Ада, гдѣ сейчасъ же пересѣли на пароходъ «Туркмень», который долженъ былъ доставить насъ въ Баку.

Погода была свѣжая, боялись бури, тѣмъ болѣе, что съ послѣднихъ чиселъ сентября Каспій былъ очень грозенъ и ни одного рейса не проходило безъ сильнаго вѣтра, качки и значительнаго опозданія; но все обошлось благополучно и мы 6 октября, въ 7 часовъ утра, прибыли обратно въ Баку.

Графиня П. Уварова.